

ФРАНЧЕСКА
ЗАППИА

*И мейн
будущая*

like
book

Young & Free

Франческа Заппиа

Я тебя выдумала

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Заппиа Ф.

Я тебя выдумала / Ф. Заппиа — «Эксмо», 2015 — (Young & Free)

ISBN 978-5-699-97328-6

Алекс было всего семь лет, когда она встретила Голубоглазого. Мальчик стал ее первый другом и... пособником в преступлении! Стоя возле аквариума с лобстерами, Алекс неожиданно поняла, что слышит их болтовню. Они молили о свободе, и Алекс дала им ее. Каково же было ее удивление, когда ей сообщили, что лобстеры не говорят, а Голубоглазого не существует. Прошло десять лет. Каждый день Алекс стал напоминать американские горки: сначала подъем, а потом – стремительное падение. Она вела обычную жизнь, но по-прежнему сомневалась во всем, что видела. Друзья, знакомые, учителя могли оказаться лишь выдумкой, игрой ее разума. Алекс надеялась, что в новой школе все изменится, но произошло невероятное – она снова встретила Голубоглазого. И не просто встретила, а искренне полюбила. И теперь ей будет больше всего отвечать на главный вопрос – настоящий он или нет.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-97328-6

© Заппиа Ф., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Магический шар	6
Пролог	7
Часть первая	10
Первая глава	10
Вторая глава	12
Третья глава	15
Четвертая глава	18
Пятая глава	22
Шестая глава	25
Седьмая глава	29
Восьмая глава	32
Девятая глава	37
Десятая глава	38
Одиннадцатая глава	41
Магический шар	43
Двенадцатая глава	44
Тринадцатая глава	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Франческа Заппиа

Я тебя выдумала

Francesca Zappia

Made you up

Copyright © 2015 by Francesca Zappia

Фото автора © Samantha Stanley

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

© О. Солнцева, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,

2017

Магический шар

Разговор номер один

Нет от тебя толку, шар судьбы.

Абсолютно точно.

Я рада, что в этом мы солидарны.

Пролог

Свободу лобстерам

Если я хорошо вела себя в супермаркете, то получала в награду шоколадное молоко «Ю-ху». А если превосходила саму себя, мне еще позволяли понаблюдать за лобстерами. Сегодня был как раз такой день.

Мама оставила меня у аквариума с лобстерами, стоявшего посреди центрального прохода, и отправилась за свиной корейкой для папы. Лобстеры завораживали меня. Глядя на них, я дивилась всему: их названию, клешням, великолепным красным головам.

У меня самой были волосы красного цвета, он прекрасно подходит для всего, кроме человеческой шевелюры. У людей не бывает красных волос. Бывают рыжие и, разумеется, каштановые.

Но только не красные.

Я взялась за свои хвостики, прижала их к стеклу и уставилась прямо в глаза ближайшему ко мне лобстеру. Папа говорит, что я с ними одной масти. Мама же считает, что я одной масти с коммунистами. Понятия не имею, кто такие коммунисты, но звучит как-то не очень. Даже крепко прижимая волосы к стеклу, я не могла понять, прав ли папа. В глубине души мне хотелось, чтобы родители ошибались.

– Выпусти нас отсюда, – сказал лобстер.

Он всегда так говорил. Я потеряла волосами стекло, словно аквариум – лампа джинна и способен сотворить чудо. Вдруг я действительно смогу освободить лобстеров? Они выглядели такими печальными: взбирались друг другу на спины, шевелили усиками, их клешни были стянуты резинками.

– Хочешь купить одного?

Прежде чем Голубоглазый заговорил, я увидела его отражение в стекле. Большие голубые глаза. Цвета голубики. Нет, светлее. Цвета океана. Нет, не такие зеленые. Насыщеннее, чем самый голубой из моих карандашей.

Трубочка, прижатая к горлышку бутылки с «Ю-ху», выскользнула из моих губ.

– Ну что, покупаешь? – снова заговорил мальчик. Я отрицательно помотала головой. Он поправил свои очки, и они переместились с кончика носа на усыпанные золотистыми веснушками щеки. Грязный воротничок рубашки сдвинулся набок, и показалось столь же веснушчатое плечо. Мальчик поморщился от долетевшего до него вонючего запаха рыбы и тины.

– Ты знаешь, что самые древние ископаемые лобстеры относятся к меловому периоду? – спросил он. Я опять отрицательно помотала головой – надо будет узнать у папы, что такое меловой период, – и сделала долгий, заткнувший мне рот, глоток молока.

Голубоглазый почему-то пялился на меня, а не на лобстера.

– *Animalia Anthropoda Malacostraca Decapoda Nephropidae*.

На последнем слове он слегка запнулся, но это не имело никакого значения, потому что я все равно ничего не поняла.

– Люблю латинские названия животных и растений, – пояснил мальчик.

– Понятия не имею, о чем ты, – ответила я.

Он снова поправил очки и сказал:

– *Plantae Sapindales Rutaceae Citrus*.

– А это что значит? – поинтересовалась я.

– Ты пахнешь лимонами.

Я возликовала – ведь он сказал: «Ты пахнешь лимонами», а не «У тебя красные волосы».

Я знала, что у меня красные волосы. Их трудно не заметить. Но даже не догадывалась, что, оказывается, пахну фруктами.

– А ты пахнешь рыбой, – съязвила я.

Он понурился, щеки, на которых красовались веснушки, вспыхнули:

– Знаю, – тихо произнес мальчик.

Я попыталась отыскать глазами маму. Она по-прежнему стояла в очереди к прилавку, и было незаметно, чтоб она жаждала моего общества. Я взяла Голубоглазого за руку. Он подпрыгнул на месте от испуга и посмотрел на наши сцепленные руки, будто случилось что-то волшебное и одновременно опасное.

– Давай дружить, – сказала я.

Мальчик посмотрел на меня и снова водрузил очки на переносицу.

– Давай.

– Хочешь «Ю-ху»? – С этими словами я протянула ему бутылку.

– Что это такое? – спросил он с опаской.

Я поднесла бутылку чуть ближе к его лицу на случай, если Голубоглазый совсем плохо видит. Он взял ее и изучил соломинку.

– Мама не разрешает мне пить после кого-то. Говорит, это негигиенично.

– Но оно же шоколадное, – возразила я.

Мальчик неуверенно посмотрел на бутылку, затем все же сделал символический глоток и вернул мне.

А затем, вроде даже не шевельнувшись, молча, но вполне определенно наклонился вперед, чтобы сделать еще один.

Как впоследствии обнаружилось, Голубоглазый знал не только латинские названия растений и животных. Он знал все. Знал, что почем в магазине. Сколько стоят все лобстеры из аквариума (сто один доллар, шестьдесят восемь центов, без учета налога с продаж). Знал имена и фамилии всех президентов и кто за кем управлял страной. Знал римских императоров, и это впечатлило меня еще больше. Ему было известно, что окружность Земли равняется сорока тысячам километров и что только самец кардинала ярко-красный, а самка нет.

А еще он знал слова.

Абсолютно все.

Такие, как дактилион, и бронтид, и петрикор. Слова, значение которых моментально улетучивались из моей памяти.

Я не понимала большей части того, что он говорил, но мне было все равно. Голубоглазый был моим первым настоящим другом.

И еще – мне нравилось держаться с ним за руки.

– Почему ты пахнешь рыбой? – спросила я. Разговаривая, мы медленно, большими кругами, ходили по центральному проходу.

– Я был в пруду.

– Зачем? – продолжила я свой допрос.

– Меня туда бросили.

– Как это? – удивилась я.

Он пожал плечами и наклонился, чтобы почесать ноги, заклеенные полосками пластыря.

– Почему ты весь израненный?

– Animalia Annelida Hirudinea.

Он словно выругался, при этом стал чесаться еще яростнее. Его щеки вспыхнули, а глаза сделались водянистыми. Мы снова остановились у аквариума.

Один из продавцов вышел из-за прилавка с морепродуктами и, не обращая на нас никакого внимания, открыл крышку аквариума. Запустил в него свою руку в перчатке, достал мистера Лобстера, закрыл люк и унес «добычу».

И тут мне в голову пришла идея.

– Пойдем! – Я потянула Голубоглазого за аквариум. Он вытер глаза. Я таращилась на него, пока он не начал таращиться в ответ. – Ты pomoжешь мне выпустить лобстеров на свободу?

Мальчик шмыгнул носом. А потом согласно кивнул.

Я поставила свою бутылку на пол и подняла руки.

– Сможешь подсадить меня?

Он обхватил меня за талию и приподнял. Моя голова оказалась над аквариумом, а плечи на одном уровне с крышкой. Я была далеко не худышкой, и Голубоглазый рисковал сломаться пополам, но он лишь слегка покачнулся и крякнул.

– Стой спокойно. Больше от тебя ничего не требуется, – велела ему я.

Наверху крышки, почти около края, была ручка. Я ухватила за нее, потянула вверх и открыла аквариум, вздрогнув от вырвавшегося из аквариума холодного воздуха.

– Что ты делаешь? – Голос Голубоглазого звучал приглушенно из-за физического напряжения и моей рубашки, попавшей ему в рот.

– Тихо! – Я огляделась по сторонам. Вроде пока нас никто не засек.

Лобстеры громоздились друг на друге как раз прямо под люком. Я сунула руку в аквариум. По спине пробежали мурашки. Мои пальцы сомкнулись на ближайшем лобстере. Я ожидала, что он станет молотить клешнями, разворачивать и сворачивать хвост. Но ничего подобного не произошло. Казалось, у меня в руке тяжелая ракушка. Я вытащила лобстера из воды.

– Спасибо, – сказал он.

– Пожалуйста, – ответила я и отправила его на пол.

Голубоглазый слегка пошатывался, но держал меня крепко. Лобстер посидел, будто пытаясь отдышаться, а затем пополз по плиточному полу. Я потянулась за вторым. Потом за следующим. Потом за еще одним. И довольно скоро все лобстеры уже ползли по супермаркету «Мейджер». Я понятия не имела, куда они направляются, но, похоже, ими двигала определенная и очень хорошая идея. Голубоглазый, тяжело запыхтев, уронил меня, и мы оба оказались в луже холодной воды. Он пялился на меня, а его очки еле держались на кончике носа.

– Ты часто такое вытворяешь? – поинтересовался он.

– Нет. Только сегодня.

Он улыбнулся.

И тут я услышала чьи-то вопли. Меня подхватили под мышки и поставили на ноги. Это была мама. Она орала на меня и тащила прочь от аквариума. Я осмотрелась. Лобстеры исчезли. С моей руки капала ледяная вода.

Голубоглазый стоял в луже. Он поднял мою бутылку с «Ю-ху» и помахал ею на прощание. Я попросила маму остановиться, чтобы подойти к моему новому другу и спросить, как его зовут.

Но она только ускорила шаг.

Часть первая

Аквариум

Первая глава

Десять лет спустя

Иногда мне кажется, что люди воспринимают реальность как нечто само собой разумеющееся.

Как мы различаем сон и реальность? Когда вы спите, то не осознаете этого, но, проснувшись, понимаете: это был сон и то, что вам снилось, хорошее или плохое, происходило не на самом деле. Если только мы не живем в Матрице, наш мир реален и наши действия настоящие, и это практически все, что нам необходимо знать.

И люди верят в это.

В течение двух лет после того злосчастного дня в супермаркете я считала, что действительно выпустила лобстеров на свободу. Думала, что они уплыли к морю и зажили счастливо. А когда мне исполнилось десять, то, что я воистину вижу себя спасительницей лобстеров, обнаружила мама.

И еще, что все лобстеры кажутся мне ярко-красными.

Первым делом она довела до моего сведения, что я не выпускала лобстеров на свободу. Я сунула руку в аквариум, но она объявилась рядом с ним очень вовремя и в смятении уволокла меня прочь. Потом она объяснила мне, что лобстеры становятся ярко-красными только после того, как их сварят. Я ей не поверила – для меня лобстеры всегда были одного-единственного цвета. Мама никогда не упоминала о Голубоглазом, а у меня не было причин спрашивать о нем. Мой первый друг оказался галлюцинацией, впечатляющим началом моего нового статуса душевнобольной.

После всего этого мама впервые отвела меня к доктору, и визит к нему отметил мое вступление в мир безумия.

Шизофрения проявляется у человека не раньше, чем он входит в позднеподростковый период, но первый ее приступ случился у меня уже в семь лет. Диагноз мне поставили в тринадцать. Параноиком признали годом позже, после того как я обвинила библиотечаршу в попытке всучить мне пропагандистские брошюры подпольной коммунистической организации, базирующейся в подвале публичной библиотеки. (Эта дама всегда казалась мне очень подозрительной – я отказывалась верить, что пользование резиновыми перчатками при работе с книгами является общепринятой нормой, и плевать хотела, когда меня пытались убедить в этом.)

Иногда лечение помогало. Я ощущала это, поскольку тогда мир становился не таким ярким и интересным, как обычно. Скажем, я признавала, что лобстеры в аквариуме вовсе не ярко-красные. Или же соглашалась, что проверка моей еды на подслушивающие устройства смешна (но я все равно занималась этим, дабы унять уколы паранойи в области затылка). Но я также знала, когда лекарства не срабатывали, ведь тогда мои мысли затуманивались, мне казалось, будто я проспала уже не один день подряд, а бывало, что я пыталась надеть обувь задом наперед.

Однако чаще всего врачи не знали, какие именно лекарства как мне помогут.

– Ну, по идее, это средство должно облегчить паранойю, бред, галлюцинации, но надо подождать и посмотреть, как пойдет дело. Иногда ты будешь чувствовать себя усталой. Пей много жидкости, чтобы избежать обезвоживания. Вес может колебаться. Трудно сказать точно.

Доктора мне очень помогали, но я разработала свою собственную систему для различения реальности и галлюцинаций. Я делала фотографии. И спустя какое-то время то, что было реально, оставалось на снимках, а галлюцинации – нет. Я разобралась, какого рода вещи любил фабриковать мой мозг. Например, щиты наподобие рекламных с изображением людей в противогазах, напоминающие прохожим о том, что отравляющий газ, который использовался в нацистской Германии, до сих пор представляет собой очень даже реальную угрозу.

Я не могла позволить себе принимать реальность на веру. Но не ненавидела всех тех, кто делает это. Я не ненавидела их, просто они не имели отношения к моему миру.

Но я отчаянно хотела жить в их.

Вторая глава

Вечером накануне моего первого дня в выпускном классе школы Ист-Шоал я сидела за стойкой кафешки «У Финнегана» и шарила глазами по темным окнам, высматривая какие-либо подозрительные знаки. Обычно паранойя так сильно меня не донимала. Я списывала свое нынешнее состояние на неизбежные прелести первого дня на новом месте. «У Финнегана» я проработала все лето, стараясь не задумываться над этим.

– Если бы Финнеган был здесь, он бы обозвал тебя психопаткой и велел заняться делом.

Я обернулась и увидела прислонившегося к косяку кухонной двери Такера. Его руки были засунуты в карманы фартука, он ехидно ухмылялся мне. Я бы рявкнула на него, не будь он моим единственным источником информации о Ист-Шоал – и заодно моим единственным другом. Такер – долговязый очкарик с темными волосами, всегда зачесанными на лоб, – был у Финнегана водителем мини-автобуса, официантом и кассиром, и, кроме всего прочего, я считала его умнейшим человеком из всех, кого когда-либо знала.

Он же не знал обо мне ничего. Его слова о том, что меня можно счесть сумасшедшей, попали в точку совершенно случайно.

Но Финнегану, конечно, было известно все; в последнее время я лечилась у его сестры, и именно она подыскала мне эту работу. Но остальные сотрудники, например наш молчаливый, курящий одну сигарету за другой повар Гас, были не в курсе моих проблем, и мне хотелось бы, чтобы дальше все продолжалось в том же духе.

– Ха-ха-ха! – огрызнулась я, стараясь тем не менее не горячиться. *Засунь подальше свое безумие*, пропищал тоненький голос где-то у меня в затылке. *Не выдавай себя, идиотка*.

Я стала работать в этой забегаловке по одной-единственной причине – мне надо было казаться нормальной. И отчасти потому, что мама настояла на этом.

– Еще вопросы есть? – Такер подошел и устроился за стойкой рядом со мной. – Или крестовый поход завершен?

– Ты хочешь сказать, допрос инквизиции? Да, я закончила. – Я оторвала взгляд от окон. – Я уже три года отучилась в старшей школе, и вряд ли Ист-Шоал слишком уж отличается от Хилл-парка, хоть меня оттуда и выгнали.

Такер фыркнул:

– Ист-Шоал отличается от всего на свете. Но что говорить, ты сама завтра поймешь это.

Похоже, один лишь Такер считает, что Ист-Шоал далеко не идеальное местечко. Мама уверена, что новая школа – прекрасная идея. Врачиха настаивала на том, что там мне будет гораздо лучше. Папа обещал полный порядок, но создавалось впечатление, будто мама настро-пала его и окажется он дома, а не где-то в Африке, то запел бы по-другому.

– Однако, – сменил тему Такер, – вечера будней здесь не так плохи, как выходные.

И это правда. Сейчас половина одиннадцатого, а у нас никого. Будто все вымерли, а слово «вымерли» ассоциируется у меня с популяцией опоссумов в Богом забытой Индиане. Предполагалось, что Такер будет подвозить меня на работу после школы. И я буду работать в вечерние смены. Хотя летом я вкалывала, наоборот, только днем. Этот план состряпала моя врачиха, а мама одобрила его. Но теперь, с началом занятий, я смогу работать только по вечерам, и все согласились с этим.

Я подошла к кассе и взяла магический шар Финнегана. И провела большим пальцем по красной отметине на нем, пытаясь стереть ее, – я всегда делала так, когда мне было скучно. Такер же сосредоточенно выстраивал кавалерию перечниц напротив вражеского войска солдат-пехотинцев.

– И все же мы имеем нескольких заблудших овечек, – поднял голову он. – Ох уж эти гнусные ночные посетители. А тот, нажавшийся в стельку, к нам как-то уже забредал. Помнишь его, Гас?

Тонкая струйка сигаретного дыма вылетела из окошка для выдачи заказов и поднялась к потолку. А затем, словно в ответ на вопрос Такера, в воздухе повисли огромные клубы дыма. Я была совершенно уверена, что Гас курит настоящие сигареты. Иначе мы бы все давно дали дуба.

Лицо Такера потемнело. Брови сошлись на переносице, а голос потух:

– О, да это же Майлз.

– Какой такой Майлз? – спросила я.

– Он скоро будет здесь собственной персоной. – Такер склонился над полем боя склянок для приправ. – Держит путь домой. Он весь в твоём распоряжении.

Я прищурилась:

– С какой это стати?

– Сама увидишь. – Автомобильную стоянку залил свет фар, и Такер оторвал взгляд от столешницы. – Пожаловал, голубчик. Правило номер один: не смотри ему в глаза.

– Он что, горилла? Или у нас здесь парк юрского периода? На меня могут напасть?

Такер посмотрел на меня очень даже серьезно:

– Это вполне вероятно.

В дверях кафе показался парень примерно нашего возраста. На нем была белая майка и черные джинсы. В руке рубашка поло из «Мейджера». Если это был Майлз, то он не спешил дать мне шанс встретиться с ним взглядом. Прямоком пройдя к угловому столику из числа тех, что обслуживала я, он уселся за него и привалился спиной к стене. По своему опыту я знала, что именно с этого места зал просматривается лучше всего. Но не все же такие параноики, как я.

Такер наклонился к окошку для выдачи заказов:

– Эй, Гас. У тебя есть то, что обычно заказывает Майлз?

Дым сигареты Гаса вычертил в воздухе причудливые кольца, и он подал через окошко чизбургер и жареную картошку. Такер взял тарелку, наполнил водой бокал и поставил все это на стойку рядом со мной.

Майлз уставился на нас сквозь свои очки, и я вскочила с места. На краю углового столика уже лежали наличные.

– С ним что-то не так? – шепотом спросила я. – В смысле... вдруг он псих?

– Он определенно отличается от всех нас, – буркнул Такер и вернулся к своему сражению.

Он не коммунист. На нем нет микрофонов ФБР. Не заглядывай под стол, идиотка. Он обычный парень, желающий перекусить.

Когда я подошла к Майлзу, тот опустил глаза.

– Привет! – сказала я, непроизвольно поежившись от звука собственного голоса. Вышло слишком дерзко. Я кашлянула и пробежала глазами по окнам зданий на противоположной стороне улицы. – М-м. Меня зовут Алекс. Я ваша официантка. – С этими словами я поставила еду и воду на столик. – Желаете что-нибудь еще?

– Спасибо, нет. – Он наконец-то посмотрел на меня.

И тут у меня в голове случился небольшой взрыв. Его *глаза*.

Те самые глаза.

Взгляд Майлза содрал с меня слои кожи и пригвоздил к месту. К моему лицу, шее, ушам прилила кровь. У него были самые голубые глаза на свете. Совершенно невероятного цвета. Ладони зачесались от желания взять фотоаппарат и сделать снимок. Мне было необходимо запечатлеть его глаза. Потому что ни освободитель лобстеров, ни Голубоглазый не существовали в реальности. Мама никогда не упоминала о том случае. Она не рассказала о нем ни

врачу, ни отцу, ни кому-то еще. Я молча проклинала Финнегана. Он запретил мне приносить на работу фотоаппарат после того, как я сфотографировала разъяренного посетителя с повязкой на глазу и деревянной ногой. Майлз указательным пальцем пододвинул ко мне деньги.

– Оставь себе сдачу, – сказал он.

Я взяла деньги и отправилась к стойке.

– Привет! – передразнил меня Такер тончайшим фальцетом.

– Заткнись! Мой голос звучал совсем не так.

– Поверить не могу, что он не откусил тебе голову.

Оплатив счет, я трясущимися руками откинула волосы на спину и пробормотала:

– Я тоже.

Когда Такер отлучился на перерыв, я взяла на себя командование над его стеклянными войсками. Дым сигареты Гаса поднимался к потолку и исчезал в вентиляционном отверстии. Воздух из кондиционера трепал бумаги на доске объявлений. Желая немного передохнуть в ходе Арденнской операции, я потрясла магическим шаром Финнегана, чтобы выяснить, окажется ли успешной атака германских солонок.

Шар выдал мне неутешительный ответ: «Спроси об этом позже».

Совершенно бесполезная штукавина. Если бы союзники последовали такому совету, то гитлеровская коалиция выиграла бы войну. Я не смотрела на Майлза ровно столько, сколько могла. Но в конце концов мой взгляд соскользнул на него, я была не в силах отвести глаз. Он ел как-то напряженно, словно с трудом удерживался от того, чтобы запихать в рот все сразу. Каждые несколько секунд его очки сползали вниз по носу и он водружал их на место.

Майлз не посмотрел на меня, когда я подошла, чтобы подлить воду в его бокал. Я прожигала взглядом его песочного цвета макушку и мысленно умоляла поднять глаза.

И так сосредоточилась на этом занятии, что пропустила момент, когда вода перелилась через край. В смятении я уронила кувшин прямо на стол. Вся вода выплеснулась на Майлза – на его руки, рубашку, колени. Он вскочил столь стремительно, что влетел головой в светильник и опрокинул столик.

– О... черт... Простите меня. – Я ринулась к стойке, где, зажав рот рукой, стоял Такер, лицо которого быстро заливалось краской, и схватила салфетки.

Майлз постарался как-то собрать воду рубашкой, но все равно промок до нитки.

– Мне так жаль. – Я потянулась к нему, чтобы вытереть его, всем своим существом ощущая, что мои руки дрожат.

Он резко отпрянул, прежде чем я успела до него дотронуться, и как-то странно уставился на меня, потом перевел взгляд на полотенце, потом опять на меня. Затем схватил свою рубашку, поправил очки и поспешил спастись бегством.

– Все в порядке, – пробурчал он, минуя меня. Не успела я рта открыть в ответ, как он уже вылетел из кафе. Я прибрала на столике и потащилась обратно к стойке.

Пришедший в себя Такер забрал у меня тарелки.

– Bravo! Превосходная работа! – сказал он.

– Такер!

– Что?

– Заткнись!

Он засмеялся и ушел на кухню.

Это был Голубоглазый?

Взяв магический шар, я, глядя через круглое стеклышко, потерла отметину на нем.

Поговорим об этом позже.

Скрытый маленький засранец.

Третья глава

Первым делом в школе Ист-Шоал я обратила внимание на то, что на ее территории нет велосипедной стойки. А если так, значит, школой управляют заносчивые сукины дети.

Я засунула Эрвина за густую живую изгородь, тянущуюся вдоль центральной дорожки, и сделала несколько шагов назад, проверяя, не видны ли его колеса и руль. Я не думала, что мой велосипед кто-то украдет или посмеет тронуть, поскольку его цвет ржавого поноса заставлял людей непроизвольно отводить глаза, но все же мне будет спокойнее, если он окажется надежно спрятан.

Я проверила содержимое сумки. Книги, папки, тетрадки, ручки, карандаши. Ремешок дешевой цифровой камеры – одной из первых вещей, что я купила, получив работу у Финнегана, – болтается на запястье. Я уже успела сфотографировать утром четырех подозрительного вида белок, усевшихся в ряд на красной кирпичной стене забора, идущей вдоль соседнего с моим дома, но за исключением этого карта памяти фотоаппарата была пуста.

Затем я совершила проверку по периметру. Она подразумевала три вещи: панорамное фотографирование окрестностей, обнаружение того, что казалось не вписывающимся в окружающую среду, – скажем, огромной выжженной спирали на асфальте, украшающей автостоянку, – и фиксация всего этого в памяти, на случай если оно станет представлять для меня угрозу.

Парни вылезали из своих машин и направлялись к зданию школы, игнорируя мужчин в черных костюмах и красных галстуках, стоявших в равной удаленности друг от друга на школьной крыше. Мне следовало бы догадаться, что обычную государственную среднюю школу должны охранять не простые охранники. В частной школе Хилл-парк они были самыми что ни на есть обычными.

Я присоединилась к потоку учеников, стараясь держаться от каждого на расстоянии вытянутой руки, поскольку одному Богу известно, кому в наши дни придет в голову пронести в школу оружие. По этой же причине я довольно быстро дотопала до административного корпуса, где четыре минуты простояла в очереди, чтобы узнать свое расписание. В процессе ожидания я набрала стопку проспектов колледжей со стенда в углу и запихала их в сумку, игнорируя удивленный взгляд парня впереди меня. Ничего не поделаешь, мне необходимо попасть в колледж – неважно, с чего я начну и сколько заявлений придется написать. Если повезет, смогу выцыганить льготные стипендии для инвалидов, подобно тому, как это провернули мои родители с Хилл-парком. Мне необходимо что-то делать в этом направлении, потому что вариантов всего два: либо я поступлю в колледж, либо мне придется вкалывать у Финнегана до конца своих дней.

Вдруг я заметила, что все ученики облачены в форму. Черные брюки, белые рубашки на пуговицах, зеленые галстуки. Обожаю запах институционального равенства по утрам.

Мой шкафчик оказался первым от столовой. Рядом ошивался какой-то тип – его шкафчик был по соседству с моим.

Это был Майлз.

Воспоминания о Голубоглазом прошли меня автоматной очередью, и мне пришлось повернуться на месте, дабы оглядеться и убедиться, что я точно нахожусь в школе, а не на работе в кафе. Подобравшись поближе, я заглянула в шкафчик соседа. Ничего необычного. Я глубоко вздохнула.

Веди себя прилично, Алекс. Будь с ним вежлива. Он не станет убивать тебя из-за опрокинутого на него кувшина с водой. Майлз – не галлюцинация. – Э... Привет! – сказала я, подойдя вплотную к своему шкафчику.

Майлз обернулся и слегка покачнулся, да так неудачно, что дверца его шкафчика грохнула о соседнюю, при этом он немного зацепил свой рюкзак ногой и чуть было не упал на него. Взгляд Майлза прожигал дыру в моей голове.

– Прости. Я не хотела напугать тебя, – сказала я, пожав плечами.

Но он ничего не ответил, и я сосредоточилась на шифре своего замка. Перебирая книги в шкафчике, я опять посмотрела на Майлза. Выражение его лица оставалось прежним.

– Я... Э... Мне действительно жаль, что облила тебя тогда с ног до головы. – Я протянула ему в знак примирения руку. Мама вечно твердит, что надо быть вежливой, что бы ни случилось. Даже если кто-то прячет нож в рукаве. – Меня зовут Алекс.

Майлз изогнул бровь. И это было так неожиданно, так замечательно и так правильно, что я чуть не расхохоталась.

Медленно, будто ему казалось, что, коснувшись меня, он получит сильный ожог, Майлз пожал мне руку. Его пальцы были длинными и тонкими. Тонкими, но сильными.

– Майлз, – представился он.

– Прикольно. – Мы одновременно разомкнули рукопожатие и опустили руки. – Рада, что мир между нами восстановлен. Увидимся позже.

Уходи, уходи, уходи... убирайся отсюда, убирайся отсюда.

Я почти бежала по коридору. Неужели, спустя десять лет, я только что снова повстречалась с Голубоглазым? О боже. Нет ничего плохого в том, что он оказался настоящим, верно? Мама никогда не упоминала о нем, но это не может служить доказательством того, что тот мальчик из магазина не существует в действительности. Но что, если он – дурак и сволочь?

Мозги мои, вы меня заколебали.

Только добравшись до лестницы, я почувствовала, что за мной кто-то идет. Волоски на шее встали дыбом, и прежде чем обернуться, я схватилась за фотоаппарат.

За моей спиной стоял Майлз.

– Ты это нарочно? – поинтересовалась я.

– Ты о чем?

– Идешь за мной на расстоянии нескольких шагов: достаточно близко, чтобы я почувствовала это, но достаточно далеко, чтобы казалось, будто ты делаешь это без какого-то умысла. Да еще и палишься мне в затылок.

Он моргнул:

– Нет.

– А я сомневаюсь в этом.

– Может, у тебя паранойя? – спросил Майлз.

Я застыла на месте.

Он округлил глаза.

– Гантри? – неожиданно задал свой вопрос Майлз.

Мистер Гантри, английский по углубленной программе. Первый урок.

– Точно, – сказала я.

Майлз достал из кармана какую-то бумажку, развернул ее и протянул мне. Его расписание. На самом верху было написано: Рихтер Майлз Джей. Первым занятием у него стоял английский по углубленной программе, Гантри.

– Ну ладно, – сказала уже более спокойным голосом я. – Но тебе совсем не обязательно вести себя так подозрительно. – Я повернулась и продолжила путь вверх по лестнице.

– Хреново быть новенькой, да? – Майлз вновь появился рядом, и в его голосе послышались странные нотки. У меня по рукам побежали мурашки.

– Бывает и хуже, – отозвалась я сквозь зубы.

– В любом случае, – ответил он, – я считаю, что ты имеешь право знать, что красить волосы – нарушение дресс-кода.

- Они не крашенные, – выпалила я.
- Ага, – Майлз снова выгнул бровь, – кто бы сомневался.

Четвертая глава

Зайдя в класс, где должен был состояться первый урок, я сразу уставилась на черные с толстой подошвой ботинки мистера Гантри, покоящиеся на столе прямо на списке учеников. Остальную его фигуру скрывала утренняя газета. Быстро осмотрев помещение, я протиснулась между партами и предстала перед учителем в надежде, что он обратит на меня внимание.

Но он и глазом не повел.

– Прошу прощения.

Над газетой показались глаза с нависавшими над ними внушительными бровями. Мистер Гантри оказался тучным человеком где-то за пятьдесят с короткими, почти седыми волосами. Я отступила на шаг от стола, прикрываясь книгами, как щитом.

Он опустил газету.

– Да?

– Я новенькая. Мне нужна форма.

– Она продается в лавке за семьдесят.

– Долларов?

– Можно разжиться ею задаром у уборщика, но тогда на ней не будет эмблемы школы. И размер может не подойти. Или она окажется порядком изношенной. – Он бросил взгляд на часы над моей головой. – Будьте добры, сядьте на свое место.

Я села в последнем ряду, чтобы за моей спиной никого не было. Тут вдруг, щелкнув, заработала система аудиооповещения:

– Ученики Ист-Шоал, поздравляю вас с новым учебным годом. – Я узнала тихий голос мистера МакКоя, директора. Мы с мамой успели поговорить с ним. Он ей понравился, а на меня не произвел ни малейшего впечатления. – Надеюсь, вы все прекрасно отдохнули, но теперь пришло время снова взяться за учебники. Если у вас нет школьной формы, вы можете приобрести ее в школьном магазине по минимальной цене.

Я фыркнула. Велосипедной стойки нет, форма стоит семьдесят долларов, директор какой-то малахольный – «райское» местечко, иначе не скажешь.

– И еще, – продолжил МакКой, – напоминаю, что через несколько недель, которые пролетят совершенно незаметно, мы будем праздновать годовщину дарения школе нашего любимого спортивного табло. Так что основательно подготовьтесь к этому событию. Вы можете внести свои предложения и сделать пожертвования.

АПС замолкла. Он сказал «пожертвования»?

Спортивному табло?

– ПЕРЕКЛИЧКА!

Голос мистера Гантри вернул меня с небес на землю. В классе стало тихо. Появилось неприятное подозрение, что нашим учителем будет сержант из «Цельнометаллической оболочки». Спрятав камеру за крышкой парты, я начала фотографировать.

– НАЗЫВАЯ ВАШЕ ИМЯ, Я БУДУ УКАЗЫВАТЬ НА ПАРТУ, ЗА КОТОРОЙ ВЫ БУДЕТЕ СИДЕТЬ. НИКАКИХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ, ОБМЕНОВ, ЖАЛОБ. ЯСНО?

– Да, сэр, – хором ответили ученики.

– ПРЕКРАСНО. КЛИФФОРД ЭКЕРЛИ. – Мистер Гантри показал на первую парту в первом ряду. – Вам сюда, сэр! – С места поднялся дюжий молодец и направился, куда было сказано.

– Приятно видеть вас в классе, работающем по углубленной программе, Экерли. – Мистер Гантри пошел дальше по списку: – ТАКЕР БОМОН.

Такер, сидевший где-то сбоку, пристроился за Клиффордом. Заметив меня, он улыбнулся. К моему огорчению, в школе он выглядел еще более безнадежным ботаником – форма

как-то странно топорщится, в руках кипа книг и уже исписанных бумаг. Типы вроде Клиффорда Экерли обычно издеваются над такими тихонями.

При этом я не смогла удержаться, чтобы не хихикнуть. Так случалось всегда, когда я слышала фамилию Такера. Она напоминала мне о Шевалье д'Эон, полным именем которого было Шарль-Женевьев-Луи-Огюст-Андре-Тимоти-д'Эон де Бомон – французском шпионе, прожившем вторую половину своей жизни женщиной.

Выкрикнув фамилии еще нескольких человек, мистер Гантри добрался до Клода Гантри, совершенно не подающего вида, что рывкающий ему указания отец хоть в малейшей степени является для него авторитетом.

Я сделала фотографии всех в классе. С деталями разберусь позже – не подходить же к каждому, чтобы сделать это лично.

– СЕЛИЯ ХЕНДРИКС!

Селия Хендрикс пала жертвой магазина косметики. Волосы не бывают такими желтыми (кто бы говорил, ха-ха-ха), а настоящий цвет ее кожи скрыт под толстым слоем боевой раскраски. На девушке были не брюки, а черная юбка, высоко задравшаяся на бедрах.

Мистер Гантри не стал игнорировать это обстоятельство.

– ХЕНДРИКС, ВАША ЮБКА НАРУШАЕТ НАШ ДРЕСС-КОД СРАЗУ ПО НЕСКОЛЬКИМ ПУНКТАМ.

– Но сегодня первый день учебы, и я понятия не имела...

– ЧУШЬ СОБАЧЬЯ! – перебил ее учитель.

Я вытаращила глаза, молясь о том, чтобы все это не оказалось плодом моего взбесившегося воображения. Либо он мужлан из мужланов, либо я сплю.

– ИДИТЕ ПЕРЕОДЕНЬТЕСЬ! НЕМЕДЛЕННО!

С тяжелым вздохом Селия вихляющей походкой вышла из класса. Мистер Гантри, слегка отдышавшись, вернулся к списку. Еще несколько человек пересели на другие места.

– МАЙЛЗ РИХТЕР!

Долговязый Майлз, зевая, пересек класс. И рухнул на свое новое место. В списке осталось всего две фамилии – моя и девушки, разговаривавшей с Клиффордом до начала урока. Возможно – ну есть же такая вероятность, – что ее имя окажется в списке следующим.

– АЛЕКСАНДРА РИДЖМОНТ.

Черт.

Все как один обернулись посмотреть, как я усаживаюсь за Майлзом. Если они не успели обратить на меня внимания раньше, то сделали это сейчас и во все глаза пялились на мои волосы. О боже, волосы...

Успокойся, идиотка! Все в порядке. Никто и не думает смотреть на тебя. Ладно, пусть смотрят. Но никто же тебя не трогает. Все хорошо. Ты в безопасности.

– Можно просто Алекс, – пролепетала я.

– МАРАЙЯ ВУЛФ.

– Райя! – Последняя в списке девица чуть ли не вприпрыжку направилась к месту у стены. Ее пшеничного цвета конский хвост радостно подпрыгивал.

Мистер Гантри положил список на стол и встал у доски, заложив руки за спину и высоко задрав квадратную челюсть.

– СЕГОДНЯ МЫ ПО ДВОЕ БУДЕМ ОБСУЖДАТЬ ТО, ЧТО ВЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПРОЧИТАТЬ ЛЕТОМ. ПАРЫ СОСТАВЛЮ Я. ЖАЛОБЫ И ВОЗРАЖЕНИЯ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ. ВСЕМ ВСЕ ПОНЯТНО?

– ДА, СЭР! – опять хорошо сказали ученики.

– ПРЕКРАСНО.

Мистер Гантри разбил нас на пары так, будто запомнил всех с первого раза.

Думаю, место позади Майлза послужило расплатой за то, что моим собеседником был назначен Такер.

– Вот уж не знала, что мы окажемся в одном классе! – сказала я, слезая со своего стула и садясь рядом с ним. Он был единственным, кого здесь я совершенно не боялась. – А ты не врал, рассказывая об этом местечке.

– В наших краях не принято врать по таким поводам. – Такер коснулся воображаемой ковбойской шляпы. – А ты не довела до моего сведения, что будешь учить английский по углубленной программе. Тогда бы все и узнала – кроме мистера Гантри его никто не преподает. – Он взял в руки свои исписанные бумажки. – У меня уже все готово. Гантри всегда начинает учебный год с этого задания. Надеюсь, ты не будешь против моей отсебятины. – Такер помолчал и, нахмурившись, посмотрел поверх моего плеча. – Боже. Хендрикс в своем репертуаре. И что только она в нем нашла?

Селия Хендрикс, вернувшаяся в черных мешковатых спортивных штанах, облокотилась о свой стул, проделала какие-то странные манипуляции с волосами и шепотом позвала Майлза, сидевшего к ней спиной. Он проигнорировал ее зов, и она стала кидать ему в голову свернутые из бумаги шарики.

– С какой стати ты так его ненавидишь? – спросила я у Такера.

– Вряд ли тут подходит слово «ненавижу», – ответил он. – Точнее будет: «Я его боюсь», «хочу, чтобы он перестал паяльаться» и «я думаю, он ненормальный».

– Ты боишься его? – Я была крайне удивлена.

– Его боится вся школа.

– Но почему?

– Потому что невозможно представить, что творится у него в голове. – Такер пристально посмотрел на меня. – Ты когда-нибудь видела, чтобы человек совершенно менялся? До такой степени, что даже выражения лица всегда абсолютно разные. Майлз именно такой.

Я подивилась неожиданно серьезному тону Такера.

– Звучит паршиво, – сказала я.

– Ну да. – Такер сосредоточился на рисунке, вырезанном на его парте. – И ему, знаешь ли, необходимо быть лучшим...

– Подожди минутку... так это он лучший ученик?

Я была в курсе, что Такер не любит какого-то отличника, но в речах, произносимых на работе, он никогда не называл его по имени. Словно этот парень не заслуживал подобной чести.

– Дело даже не в том, что он лучше меня! – свистящим шепотом продолжил Такер, быстро оглянувшись на Майлза. – А в том, что учеба не стоит ему ни малейших усилий. Ему нет необходимости читать учебники. Он и без того знает все на свете! Он был таким уже в средних классах, но тогда еще не считался лучшим учеником. Он даже домашние задания игнорирует как нечто бессмысленное.

Я обернулась и посмотрела на Майлза. Они с Клодом, по всей видимости, завершили обсуждение прочитанного, и он уснул, положив голову на парту. Кто-то приклеил скотчем к его рубашке листок с надписью «нацист», сделанной черным маркером. Я вздрогнула. Мне было интересно изучать историю нацизма и Второй мировой, но я бы даже не подумала дать кому-то такое прозвище. Нацисты наводили на меня ужас. Из этого я сделала вывод, что либо в этой школе учатся одни идиоты, либо Майлз Рихтер действительно исключительно отвратный тип, каким и описывает его Такер.

– И еще он руководит одним ужасно странным клубом, – продолжил Такер. – Клубом поддержки спортивных объектов школы Ист-Шоал. Вот такое он подобрал для него невразумительное название.

У меня в горле словно встал ком. Я сглотнула. Это название было мне известно, но я не знала, что это его клуб. Листок на спине Майлза поднимался и опускался в такт его дыханию.

- Эй! – Такер ткнул меня локтем в бок. – Не позволяй ему делать тебе гадости, хорошо?
- Делать гадости? Например? – решила уточнить на всякий случай я.
- Он может отвинтить твой стул от парты или прожечь дыру в рюкзаке.
- Лаааадно, – нахмурилась я. – Теперь я не сомневаюсь, что он либо горилла, либо тираннозавр, либо полтергейст. Что еще мне следует о нем знать?
- Если он вдруг начнет говорить с немецким акцентом, немедленно позови меня, – сказал Такер с серьезным лицом.

Пятая глава

Следующие три урока мало чем отличались от первого. Я входила в кабинеты и вертелась вокруг своей оси, проверяя, не грозит ли мне какая опасность. Заметив что-нибудь странное – скажем, пропагандистский постер времен Второй мировой войны на стене, – я это фотографировала. Четыре раза меня спросили, крашенные ли у меня волосы. Учитель по имени Марко Экон довел до моего сведения, что это против правил. Я ответила, что цвет у меня натуральный, с таким я уже родилась. Но он не поверил. Я показала ему фотографию мамы и младшей сестренки Чарли, которую всегда носила с собой, потому что цвет их волос был точно таким же. Преподаватель вроде как принял это как доказательство моей честности. Я села за ближайшую к двери парту и не спускала с него глаз до конца урока.

Столовая была огромной и очень просторной. Это мне понравилось: здесь никому не было дела до сидящей спиной к стене и выискивающей в еде коммунистические «жучки» меня. Мистер МакКой сделал еще одно объявление о спортивном табло. Учащиеся на время прекратили разговаривать и жевать, чтобы поржать по этому поводу, но удивления никто не выказал.

Майлз Рихтер присутствовал на всех уроках по углубленной программе. Его не было только на пятом уроке, когда у меня было время для самостоятельных занятий. Я до сих пор не понимала, что имел в виду Такер, предупреждая о неприятностях, которые может доставить мне Майлз. Тот ничего такого не предпринимал, но, вне всякого сомнения, держал мою особу в поле зрения.

Перед обедом, во время урока по истории США, я уронила карандаш. Он отфутболил его в дальний конец класса, прежде чем я успела поднять его. После чего откинулся на спинку стула и посмотрел на меня, словно хотел спросить: «И что теперь?» В ответ я сбросила его рюкзаком с парты на пол.

Во время обществоведения он «случайно» наступил на мой шнурок, и я чуть было не ткнулась носом в пол. Зато когда учитель пустил по рядам наше первое домашнее задание, Майлзу достался «случайно» порванный мной пополам листок.

На уроке химии миссис Дальтон рассадила нас по алфавиту и раздала тетради для лабораторных работ, которые с виду походили на самые обычные, но внутри них была бумага в клеточку, отчего мне захотелось наложить на себя руки. Тетрадь шлепнулась на мой стол с громким БУХ.

Выводя свое имя на обложке, я не сводила взгляда со спины Майлза. Потому надпись получилась корявой и кособокой, но вполне читаемой. Вот и хорошо.

– Думаю, мы начнем урок с того, что немного познакомимся друг с другом во время небольшой лабораторной работы, – с ленивым воодушевлением произнесла миссис Дальтон и, вернувшись к своему столу, открыла бутылку с диетической кока-колой, после чего одним глотком высосала половину ее содержимого. – Ничего сложного, разумеется. Для начала я разобью вас на пары.

Я заподозрила, что неумолимая карма наконец добралась до меня и накажет в десятикратном размере за то, что я спустила в унитаз все черные пешки моей сестренки Чарли и заявила ей, что Санты не существует.

Вытаскивая бумажные полоски с именами из большой мензурки, миссис Дальтон составляла пары, и я наблюдала за тем, как парты постепенно пустели, а ученики перемещались по двое к лабораторным столам.

– Александра Риджмонт, – прочитала миссис Дальтон.

Карма приготовилась к прыжку.

– И Майлз Рихтер.

Точное попадание. Как результат – небольшая контузия. Могут возникнуть трудности с ходьбой и зрением. Противопоказаны физическая нагрузка и работа с тяжелыми механизмами.

Я подскочила к лабораторному столу прежде, чем Майлз успел приподнять задницу со стула. Листок с заданием уже лежал на столе. Я обвела взглядом ребят, сидевших с противоположной стороны, – они казались совершенно безобидными, самые опасные вещи – скажем, шкафчики над моей головой или сток в раковине – всегда кажутся безобидными.

– Ну, давай поскорее покончим с этим, – сказала я подошедшему Майлзу. Он ничего не ответил, просто достал ручку из-за уха и открыл тетрадь. Я чуть шире расставила ноги, потому что мне показалось, будто пол наклонился влево.

Я ждала, когда Майлз допишет свое имя на тетради.

– Готово? – не выдержала я.

– Можешь начать первой. – Он поправил очки. Мне хотелось сорвать их с него и стереть в порошок.

Вместо этого я взяла листок.

– Первый вопрос: «Как ваше полное имя?»

– Вау. Идиотизм какой-то. – Это были первые разумные слова, произнесенные им за день. – Майлз Джеймс Рихтер.

Я вписала его ответ в анкету, а рядом поставила свой. «Александра Виктория Риджмонт».

– У нас у обоих неподходящие вторые имена. – И он опять изобразил волшебный изгиб брови.

– Дальше, – сказал Майлз.

– Дата рождения?

– Двадцать девятое мая тысяча девятьсот девяносто третьего года.

– Пятнадцатое апреля того же года, – сказала я. – Братья, сестры?

– Нет.

Ничего удивительного, что он такой избалованный. Единственный ребенок в семье. Наследник богатеньких родителей.

– У меня есть сестра Чарли. Домашние животные имеются?

– Собака. – Отвечая на вопрос, Майлз сморщил нос, и это не удивило меня, поскольку он сам представлялся мне огромным домашним котом. Много спит. Вид вечно скучающий. Любит поиграть с едой, прежде чем съест ее.

Я смотрела, как по краю раковины ползет божья коровка. У меня не было сомнений, что она не настоящая – ее крапинки были в форме звездочек. Фотоаппарат остался в рюкзаке.

– Никого. У папы аллергия.

Майлз забрал у меня листок и просмотрел его.

– Могли бы придумать вопросы поинтереснее. Любимый цвет? Что это говорит о человеке? Чьим-то любимым цветом может быть зеленовато-желтый, и что с того?

Затем, не дожидаясь моего ответа, он написал под вопросом о цвете «зеленовато-желтый» и слегка оживился – впервые за день. Слушая, как он возмущается анкетой, я странным образом расслабилась. Если он способен сердиться по столь идиотским поводам, значит, он не Голубоглазый.

– Тогда ты обожаешь сиреневый, – заполнила я пустую строчку в его анкете.

– И опять. Любимое блюдо? А это о чем?

– Согласна. Что ты любишь? Маринованные лягушачьи сердечки? – Я приложила ручку к нижней губе и немного подумала. – Да, ты их обожаешь.

Мы продолжили. Мне не было дела до испуганных взглядов одноклассников, слышавших нашу перепалку. Когда мы добрались до раздражающих нас вещей, Майлз сказал:

– Ненавижу, когда коверкают слова. – А потом, помолчав немного, добавил: – И это правда.

– Не выношу, когда не знают истории, – сказала я. – Скажем, многие утверждают, что Колумб был первым мореплавателем, достигшим берегов Северной Америки, хотя он вообще там не высаживался. Это сделал Лейф Эриксон. И это тоже правда.

Мы ответили еще на какие-то вопросы, а когда подоברались к концу, с его голосом стало происходить что-то странное.

Он будто стал грубее. Говорил он теперь менее свободно. Некоторые звуки произносил немного иначе. Ребята по другую сторону стола уставились на него, словно это показалось им знаками приближения апокалипсиса.

Я добралась до последнего вопроса:

– Слава тебе, Господи, мы почти закончили. Какое у тебя самое яркое воспоминание детства?

– *Animalia Annelida Hirudinea*. – Майлз в досаде покусывал кончик карандаша, будто сожалел, что эти слова сорвались с его губ. Смотрел он не на меня, а на два серебряных аркообразных крана над большой раковиной.

Эти слова. Пластырь на ноге... Непонятная мне боль. «Ю-ху». Запах рыбы. По телу пробежала дрожь. Она словно пригвоздила меня к полу. Я уставилась на Майлза. Торчащие во все стороны волосы цвета мокрого песка. Очки в металлической оправе. Золотистые веснушки на носу и скулах. Голубые глаза.

Кончай паяльаться на него, идиотка! Он решит, что ты такая же, как он, или нечто в этом роде!

Майлз мне не нравился. Его даже нельзя было назвать симпатичным. Или можно? Взгляну на него еще один раз? *Нет, черт побери!* Провалились все пропадом.

Я что-то накарябала в тетради, стараясь не обращать внимания на готовое выпрыгнуть из груди сердце. Записать, что он сказал? Почему он заговорил на латыни? Голубоглазого не существует в реальности. Никто не помогал мне освободить лобстеров. Его слова мне послышались. Все это игра моего воображения. Мозг снова шутит надо мной. Опять все сначала.

Я тихонько кашлянула и потянула себя за прядь волос:

– Ну, напиши за меня «Ю-ху».

– «Ю-ху», – медленно повторил он.

– Это самый лучший напиток на свете. Знаешь такой?

Теперь уже он не отрывал от меня взгляда. Я закатила глаза:

– Ю-Ю...

– Спасибо, я знаю, как это пишется. – Его голос пришел в норму. Он заговорил свободно и четко. Я посмотрела на часы. Урок подошел к концу. Руки у меня дрожали.

Зазвенел звонок, я вскочила, схватила сумку и вместе с другими учениками вышла в коридор, радуясь тому, что смогу оказаться подальше от Майлза. Сделанное в кабинете химии открытие всего-навсего сон, и я наконец-то проснулась. Я не понимала этого парня, явившегося сюда прямо из моих галлюцинаций. Он расшатал грань между моим миром и реальным миром людей, и мне это было не по нраву.

К шкафчикам мы подошли одновременно. Не обращая на него внимания, я отперла свой и взяла учебники.

И тут они выпали из обложек, словно внутренности рыбьих тушек.

– Похоже, кто-то поработал над их переплетами, – равнодушно сказал Майлз.

Да что ты говоришь, засранец. Пошел он на фиг. Кто бы он ни был – Голубоглазый или нет, я не собираюсь мириться ни с чем подобным.

Подобрав растерзанные учебники, я сунула их в сумку и с шумом захлопнула дверцу шкафчика.

– Похоже, их придется склеивать. – Сказав это, я направилась к спортивному залу, прекрасно понимая, что не смогу избавиться от этого типа.

Шестая глава

Такер ошибался, когда говорил, что название Клуба поддержки спортивных объектов школы Ист-Шоал придумал Майлз. Это сделал директор Мак Кой, который сам сказал об этом, объясняя мне и маме, какие у меня будут общественные обязанности в школе.

Теперь я направлялась в главный спортивный зал, и Майлз шел за мной по пятам. Его кошачий взгляд сверлил мою спину, прямо промеж лопаток. Я остановилась в дверях зала и незаметно огляделась – вертеться вокруг себя я не стала, боясь показаться чокнутой.

Спортивный зал был более старым и обшарпанным, чем в Хилл-парке; а я-то ожидала, что он окажется под стать отвратительно дорогому футбольному стадиону Ист-Шоал. Рядом со входом стоял стол с пультом управления табло. Баскетбольные щиты были задраны под потолок, и это давало мне возможность просмотреть зал насквозь вплоть до счетного табло на задней стене. «Средняя школа Ист-Шоал» было выведено огромными зелеными буквами, прямо над табло.

Майлз похлопал меня по плечу. Всего-то легкие удары указательным пальцем, а я подпрыгнула как ошпаренная.

– Не заставляй их ждать. – Он проскользнул мимо меня.

У счетного табло стояли пятеро учеников и дружно смеялись. Среди них я увидела девочку, с которой мы были на английском. Из ее растрепанного светлого пучка волос торчала пара карандашей. Двое парней рядом с ней были похожи как две капли воды. Их невозможно было отличить друг от друга. Еще двоих учеников я прежде не встречала, оба они подтянулись, когда к ним подошел Майлз.

– Это Алекс, – представил он меня, ни с кем не поздоровавшись. – Алекс, это Теофилия, – он показал на девушку с урока английского.

– Просто Тео, – сказала она, глядя на него.

– ...а это ее братья, Иван и Ян. – Он кивнул в сторону неразличимых парней, тут же улыбнувшихся в унисон.

– Во избежание недоразумений – мы тройняшки. – Тео очень по-деловому протянула мне руку. – И, пожалуйста, не зови меня Теофилией.

– Без проблем. – Я смотрела на ее руку. Чувство вины заставило меня обменяться рукопожатием с Майлзом, но с какой стати мне прикасаться к ней? – Мои родители хотели двух сыновей и назвали меня в честь Александра Великого, а мою сестру – в честь Карла Великого, – зачем-то сказала я, но руку ей пожимать не стала.

Тео не обиделась на мой отказ и лишь рассмеялась.

– Мои родители тоже хотели мальчиков. А вместо этого заполучили двух идиотов и девочку.

– Эй! – одновременно крикнули братья. Она отбросила блокнот в сторону и сделала вид, будто хочет ударить их в промежности кулаками. Мальчишки отпрянули. Я чуточку разбираюсь в генетике. Даже однояйцевые близнецы не бывают такими похожими, как братья Тео.

Пальцы сжали фотоаппарат.

Майлз шутливо округлил глаза и продолжил:

– А это Джетта Лоренк и Арт Баброу.

Джетта лукаво улыбнулась Майлзу, отчего у нее на щеках появились ямочки, тряхнула гривой курчавых черных волос и перебросила ее через плечо.

– Рада познакомиться. – Она тоже протянула мне руку с таким видом, будто собиралась ждать до упора, пока я все-таки не пожму ее. Я сделала вид, что не заметила и спросила:

– Ты француженка?

– *Oui!*

Ага. Иностранная шпионка. Какой-то период во время Второй мировой войны французская Коммунистическая партия действовала в соответствии с указаниями Сталина. Французская шпионка-коммунистка.

Хватит, хватит, хватит.

Я повернулась к Арту, чернокожему парню на полтора фута выше меня. Его грудные мышцы, казалось, вот-вот порвут футболку и кого-нибудь съедят. Я поставила ему отметку два по своей шкале галлюцинаций. Не нравилась мне его мощная грудь.

– Привет! – прогрохотал он.

Я слегка помахала ему в ответ.

– Это и есть наш клуб, – сказал Майлз, обводя рукой собравшихся. – Так, Тео отвечает за киоск с едой. Иван и Ян – за трибуны.

– Есть, босс! – отсалютовали тройняшки и пошли приступать к своим обязанностям.

– Джетта, за тобой сетка и мячи. Арт, принеси шесты.

Когда все разошлись, я слегка расслабилась, хотя рядом со мной оставался Майлз. Он повернулся лицом к табло и забыл обо мне.

– А я чем займусь? – спросила я.

Он не ответил.

– МАЙЛЗ.

Тут он обернулся и выгнул свою волшебную бровь.

– Что мне делать? – еще раз задала я свой вопрос.

– А ты отправишься туда, – он показал на пустые трибуны, – и заткнешься.

Существует ли закон, по которому можно засудить за удар в лицо законченному засранцу обеими ногами в прыжке? Наверное. Всегда найдутся законы, запрещающие необходимые действия.

– Нет, – спокойно возразила я. – Я лучше сяду вон там. Чуть дальше. – И прошествовала к выбранному месту. Села, скрестила на груди руки и оставалась в этой позе до тех пор, пока он не отвел взгляд. Затем вытряхнула из сумки изуродованные книги, сложила их стопкой и приступила к домашнему заданию. Когда в зале появилась волейбольная команда, я прервалась и сделала несколько фотографий: Джетта и Арт профессионально натягивают волейбольную сетку; Тео суетится у киоска с едой; Иван и Ян подметают трибуны; и, вообще, волейбольная команда в красивой форме смотрится очень даже впечатляюще.

Один лишь Майлз куда-то подевался. По всей вероятности, кружит где-то, стирая с лица земли деревни и набивая золотом свое логовище в горах.

Я снова склонилась над математическими вычислениями. Домашние задания были для меня сущей мукой, особенно учитывая то обстоятельство, что с этого года мне придется делать их в промежутках между школой, работой и общественной деятельностью. Не говоря уж о том, что я буду продолжать попытки получить стипендию и заполнять бесчисленные формы для этого. Да еще чертов врач два раза в неделю.

Но я должна делать все это. Именно сейчас. Никаких перерывов в лечении, хотя мне все это уже порядком надоело. У меня нет времени беспокоиться о том, что думают обо мне люди, но если я буду производить впечатление безумного человека, параноика, то никто не примет в расчет, какие у меня оценки. Если кому-то придет в голову, что я ненормальна или опасна, значит, мне придется распрощаться со светлым будущим и сказать привет психушке.

Майлз вернулся в зал и уселся за судейским столом. Лишь на долю секунды он обернулся и взглянул на меня, изогнул бровь и вновь стал смотреть на команду. У меня задрожал подбородок. Почему только я не подумала об этом раньше? Майлз гений. Он любит манипулировать людьми.

Не похоже, что я как-то по-особенному нравлюсь Майлзу, а я ведь весь день вела себя с ним вызывающе. Враждебно. Ему не составит труда вычислить меня. Особенно если я буду

выпендриваться так, как выпендривалась на уроке химии. Но, может, я сумею предотвратить это. Расскажу ему все, прежде чем он сам догадается, и буду умолять держать рот на замке. Или сделаю что-то подобное.

Или же ты можешь попробовать обзавестись яйцами, – пропищал внутренний голос. Что, наверное, было бы наилучшим выходом из положения.

Я посмотрела на табло. МакКой сделал о нем сегодня по меньшей мере пять объявлений, и каждый раз кто-то из ребят мимикой передразнивал его, смешая остальных.

– Знаешь, об этом табло существует местная легенда. – Рядом со мной появился Такер с бутылкой кока-колы в руке. Я посмотрела по сторонам. Трибуны были почти заполнены. Как и когда это произошло? Я оглянулась проверить, а нет ли кого позади меня с ножом.

– Правда? – равнодушно ответила я. – В этом нет ничего удивительного.

У подножия трибун стоял Клифф Экерли и еще несколько футболистов, держащих плакаты в поддержку Райи Вулф – она, как я поняла, была подающей. Среди большой группы учеников, которых, казалось, совершенно не интересует предстоящий матч, я заприметила Селию Хендрикс. Родители стекались в зал из холла с поп-корном и хот-догами. По их майкам шли надписи: «Вперед, кавалеристы!»

– Какой забавный вид спорта, – услышала я язвительную реплику женщины, стоящей рядом со мной. – Волейбол. Его следовало бы назвать «потаскушки в спандексе».

Я попыталась отыскать глазами гневную мамашу, но меня вплотную обступили подростки.

– Ты слышал, что она сказала? – спросила я у Такера.

– Кто она?

– Ну та, которая обзвала волейболисток потаскушками?

Такер повертел головой.

– Ты уверена, что не ослышалась?

Я пожала плечами.

– Может, и так. – Я давным-давно поняла, что спрашивать кого-то, слышал ли он то, что слышала я, куда безопаснее, чем спрашивать, а видел ли этот человек то, что привиделось мне. Большинство людей куда меньше доверяют своим ушам, чем глазам. Разумеется, слуховые галлюцинации являются наиболее распространенными. Но это все равно не сулит мне ничего хорошего.

– В наше время настоящий спорт – это чирлидинг. Он полон достоинства. Либо вы пробиваетесь наверх, либо нет. Здесь нет середняков, не то что в волейболе.

Ее голос приглушила толпа и скрип кроссовок по покрытию спортивного зала, а затем я и вовсе перестала слышать его.

Такер продолжал ерзать рядом со мной.

– Легенда гласит, что одна цыпочка, посещавшая Ист-Шоал много лет тому назад, настолько обожала эту школу, что никак не желала расставаться с ней и каким-то непостижимым образом совершила самоубийство, подстроив так, чтобы табло рухнуло ей на голову. И ее душа вселилась в это табло и помогает Ист-Шоал одерживать победы. Или проигрывать. Все зависит от ее настроения во время игры, как я понимаю.

– Почему ты не рассказал мне об этом раньше? Блин, я думала, все одержимы им без каких-либо на то причин.

– Ну, не знаю, почему ему придают такое большое значение: из-за легенды или же, наоборот, легенда родилась в результате того, что его вроде как боготворят. В любом случае МакКой предупреждает, что не следует болтать об этом. Но если ты действительно хочешь насладиться по-настоящему страшным зрелищем, то понаблюдай, как директор трясется над ним. Вручную протирает от пыли каждую лампочку. Прямо-таки ласкает его.

Я рассмеялась.

Такер замолчал, его шея и уши покраснели. Он снова заерзал на месте.

– Существует еще миф о питоне, живущем за плитками потолка, которого кормят раздатчицы из столовой. Но он не такой интересный. А ты знаешь историю про мост Красной ведьмы?

Я искоса взглянула на него.

– Что-то такое долетело до моих ушей.

– Никогда не ездил по мосту Ганнибала ночью. Иначе раздастся визг – это ведьма, она тут же порвет тебя на ошметки, а пустую машину бросит на обочине. – Пока он ждал моей реакции на эту чушь, в его глазах светилось возбуждение. Я видела у Такера такой взгляд лишь однажды – когда он излагал мне одну из своих теорий заговора.

– А ты предельвал такое? – спросила я.

– Я? Чтобы я разъезжал по мосту Красной ведьмы? Нет, конечно. Я не храбрее клеклого картофельного салата.

– Это ты-то? Не верю.

Такер рассмеялся и выпятил свою хилую грудь, изображая героя.

– Знаю, я не кажусь последним трусом, но я сразу же мчусь в противоположную сторону, стоит мне оказаться поблизости от того моста. – Закончив свое представление, он предложил мне кока-колу: – Хочешь?

– А ты уже напился?

– Нет. Но я купил ее и только потом вспомнил, что вообще-то не люблю газировку.

Я нерешительно взяла бутылку.

– Ты туда ничего не подмешал, а? – Я прищурилась и подозрительно посмотрела на Такера.

– Я что, похож на отравителя?

– Чего не знаю, того не знаю, мистер Клеклый картофельный салат. Ты человек непредсказуемый.

Мне не полагалось есть или пить что-то, содержащее кофеин. Мама говорила, что он действует на меня возбуждающе и несовместим с принимаемыми мной лекарствами, но она, по всей видимости, лгала, потому что, нарушая это правило, я чувствовала себя превосходно. Я сделала несколько глотков подряд.

– Похоже, сегодня у твоих учебников был тяжелый день. – Такер провел пальцем по корешку задачника.

– М-м. В шкафчик пробралась бездомная кошка, – улыбнулась я.

– Тут поможет суперклей.

Суперклей? Это хорошая идея. Я отыскала взглядом Майлза. Он прищуренными глазами смотрел через плечо на нас с Такером. И тут до меня дошло, как трудно мне придется. У меня скрутило желудок. Я не могла позволить ему третировать меня, но не могла и сердить.

Такер показал ему средний палец. Майлз отвернулся и снова стал смотреть на площадку.

– Потом я об этом пожалею, – сказал Такер. – Когда у моей машины полетит рулевая колонка.

Либо Такер об этом пожалеет, либо я.

– Тебе плохо? – спросил он. – Такое впечатление, что тебя сейчас вырвет.

– Да... Нет... Я В ПОРЯДКЕ. – Мне никогда не было так паршиво после случая с граффити в спортивном зале Хилл-парка.

Я слишком поздно поняла, что накричала на Такера. Мне не хотелось быть грубой, но я ненавижу, когда кто-то волнуется за меня или жалеет. Не люблю взгляды людей, которые понимают, что со мной что-то не так, но я ни за что не признаюсь в этом.

Хотя дело тут в другом. Я просто не могла допустить, чтобы мое самочувствие всплыло наверх.

Седьмая глава

Остаток игры я провела, переводя взгляд с тетради с домашним заданием на Майлза и обратно. Он не смотрел на нас, но я знала: он чувствует, я наблюдаю за ним.

Я попыталась отвлечь себя мыслями о том, как бы заплатить Такеру за кока-колу. Но он отверг все мои предложения и сменил тему: стал вещать о теориях заговора. О Розуелле, иллюминатах, Элвисе, инсценировавшем собственную смерть, а когда Майлз обратил на нас внимание, Такер уже излагал маленькую очаровательную историю о нацистской базе на Луне.

Такер относился к тем интеллигентным, эрудированным людям, которых я могла бы свести с моей мамой и наблюдать за тем, как они берут ее в оборот, но не шла на это, потому что как-никак имела совесть.

Потом я подумала: *Эй, я могу обнять его. Уверена, он не будет против этого.* Но я знала, что физический контакт имеет определенное значение в рамках нормального социального поведения, и хотя я доверяла Такеру больше, чем другим, мне не хотелось, чтобы это показалось ему выражением романтических чувств.

Когда игра закончилась, Такер ушел вместе со всеми. Я хотела помочь членам клуба, но они оказались такими проворными и деловыми, что сетка была сложена и мячи убраны в ящики, когда я еще не успела даже сойти с трибуны.

Майлз и Джетта стояли у судейского стола. Когда я подошла к ним, они замолчали. Было совершенно ясно, что говорили они не по-английски.

– Что тебе? – спросил Майлз.

– Я нужна или могу идти домой?

– Иди. – Он повернулся к Джетте.

– *Bis spater*¹, Алекс! – улыбнулась Джетта, и я мгновенно забыла о легком чувстве вины из-за не пожатой руки. Я помахала ей на прощанье и ушла.

– До свидания, – сказала она мне вслед.

Вокруг школы стоял шум и гам. Я знала, что после футбольных матчей группы болельщиков долго не расходятся, но сейчас у меня создалось впечатление, будто вся школа присутствует на одной огромной вечеринке. В восемь вечера. После волейбольного матча. В первый день нового учебного года.

Тут у меня не было возможности хорошенько осмотреться по периметру, поэтому я применила план Б – то есть попросту слиняла. Вытащила из кустов Эрвина, молясь о том, чтобы никто не застал меня за этим занятием. Ближе всего к входу в школу стояли по-прежнему маячащие на крыше охранники, футбольные игроки, вероятно, поджидающие своих девушек, и Селия Хендрикс с еще двумя девушками – что они здесь делали, было совершенно непонятно.

– Прикольный велосипед! – прокомментировала Селия через плечо, убрав с него неестественно светлые волосы, ее подружки тихо хихикнули. – Где ты его раздобыла?

– В Египте. – Я пыталась понять, серьезно она или нет.

Селия рассмеялась:

– Напомните мне о том, чтобы я никогда не ездила в Египет.

Никак на это не прореагировав, я покатила Эрвина мимо футболистов, но далеко не ушла. Все двести тридцать фунтов Клиффа Экерли встали на моем пути.

– Эй, ты у нас новенькая, верно?

– Верно. – От его близости у меня появились какие-то неприятные ощущения. Я развернула велосипед, чтобы увеличить дистанцию между нами.

Но он тут же вырос передо мной, показал рукой на мои волосы и завопил:

¹ До скорого (нем.).

– Болельщица Хилл-парка!

Над толпой немедленно раздались громовые раскаты Б-У-У. Большинство присутствующих не имело ни малейшего понятия о том, что я действительно училась в Хилл-парке, но красное здесь вполне могло грозить неприятностями. Я попыталась обогнуть Клиффа, но он уперся ногой в переднее колесо Эрвина и затемпнул его.

– Какого черта? – Я отпрянула назад, чтобы Эрвин встал прямо.

– Какого черта? – фальцетом передразнил меня кто-то из парней, и это получилось у него гораздо лучше, чем у Такера в кафешке вчера вечером. Друзья Клиффа окружили меня. Я крепче обхватила Эрвина. Либо эти парни пьяны, либо все они исключительные козлы. Если пьяны, то им не потребуется особого повода, чтобы поиздеваться надо мной, зато, если я побегу, догнать меня им будет трудновато. Но я не могла бежать с Эрвином. Может, воспользоваться им как щитом? Но тогда придется оставить его здесь. А этого мне хотелось меньше всего на свете. Не важно, как я буду действовать, в любом случае ситуация неблагоприятная.

– Почему бы тебе не перестать изображать из себя подонка и не убраться с моего пути? – рискнула предложить я.

– О-о-о, как грубо! – ухмыльнулся Клифф. – Предлагаю сделку: я пропущу тебя, если ты выкрасишь волосы в зеленый.

– Мои волосы не крашенные, это их естественный цвет. Красный. Так что отвечаю тебе «нет».

– Чудненько, тогда мы их сбреем. У Джоунса есть бритва, так ведь, дружище?

Я подалась назад, схватившись за прядь волос. Я видела подобные сцены в документальных фильмах. Об агрессивном поведении учеников старших классов и студентов. Не могут же они и в самом деле обрить меня налысо. Или могут? Вокруг толпился народ и наблюдал за происходящим. Мужчины в костюмах на крыше никак не реагировали – чего еще ждать от школьной охраны.

Кольцо людей все плотнее сжималось вокруг меня. Я не видела никакого... Я не смогу выбраться... Может, пнуть Экерли в яйца и считать дело сделанным...

И тут все притихли. Бритва Клиффа дернулась над моим плечом.

Равнодушно глядя на него сверху вниз, рядом стоял Майлз. А с ним светловолосые тройняшки.

– Тебе-то чего здесь надо, Рихтер? – глумливо поинтересовался Клифф.

– Абсолютно ничего. – Майлз пожал плечами. – Будь добр, продолжай.

Клифф прищурился и сделал шаг назад, внимательно изучая меня. Даже обошел со всех сторон.

– У тебя проблемы? – спросила я.

Клифф презрительно скривился и отошел в сторону. Майлз и тройняшки обступили меня и помогли выбраться из толпы. Никто больше не изображал раскаты грома, не насмехался надо мной, никто не доставал бритвы и лезвия. Но, обернувшись, я увидела, что Клифф и его дружки стоят, касаясь друг друга головами, а взгляд маячащей позади них Селии пронзает меня, словно кинжал.

– Спасибо, – сказала я.

– Я сделал это не для тебя. – Майлз подошел к ржавому небесно-голубому пикапу, припаркованному на самом краю автомобильной стоянки. Распахнул водительскую дверцу и бросил внутрь сумку. – Просто я ненавижу этого типа.

– Никогда не слушай, что говорит Клифф, – встряла Тео, вытаскивая из прически карандаши и встряхивая волосами. – Он редкий кретин – думает, мы хотели, чтобы ты выставила его на посмешище. Вот почему он отстал от тебя. Кроме того, я очень сомневаюсь, что он умеет пользоваться бритвой, даже если она у него есть.

– А я уверен, что лицо ему бреет мамаша, – сказал Иван.

– Нет, обезьяна. Я это точно знаю, – усмехнулся Ян. – Видели его физиономию в прошлом спортивном сезоне? Я думал, ему придется делать переливание крови.

– Не знаю, как у него обстоит дело с личной гигиеной, – перебил друга Майлз, – но я искренне считаю, что его голову необходимо засунуть в измельчитель дерева.

Я отодвинулась от Майлза на порядочное расстояние.

– Верно. Ну, увидимся завтра.

Тройняшки попрощались со мной. Может, они, в конце концов, не так уж и плохи, даже если Иван и Ян похожи друг на друга как две капли воды. Я оседлала Эрвина и выехала с парковки, пытаясь прогнать мысли о Клиффе, Селии, идиотском табло и еще много о чем.

Я запомнила, где паркует свою машину Майлз, чтобы отыскать его грузовичок завтра утром.

Не позволю Ист-Шоал, ее психическим ученикам и сотрудникам вывести меня из себя.

Восьмая глава

Галлюцинации чаще посещали меня в темноте. Будучи маленькой, я не раз слышала раздающиеся у меня из-под кровати голоса, видела подползающие ко мне по матрасу лапы с когтями. Когда я ехала на велосипеде домой на закате, невероятных размеров красная птица с длинным хвостом то и дело пролетала у меня над головой. Я остановилась и сфотографировала ее. На экране камеры перья невиданной птицы горели, как огонь. Феникс-галлюцинация. В возрасте десяти лет я была одержима фениксами, а этот провожал меня домой каждый вечер. Феникс из Ганнибалз-Рест.

Это мой дом.

О Ганнибалз-Рест, штат Индиана, мне известно, что он поразительно мал. Настолько, что его нельзя обнаружить при помощи автомобильного навигатора. И ты минуешь его, даже не заметив, что был там. Остальная Индиана ничем не отличается: летом жарко, зимой холодно, в другие времена года узнать, какая стоит погода, можно, только выйдя из дома. Чтобы добраться до Хилл-парка, надо ехать на запад, до Ист-Шоал – на восток. Дети из этих школ не никогда не общаются между собой, просто они ненавидят друг друга.

Мои родители выросли вовсе не здесь. Но решили жить в этом никчемном городишке. Почему? Потому что он был назван в честь Ганнибала из Карфагена. Ход их мыслей был примерно таков: *Ганнибалз-Рест? А мы назовем свою дочь в честь Александра Великого! ИЗУМИТЕЛЬНО. И будем чувствовать дыхание истории.*

Иногда мне хотелось стукнуть родителей сковородой по голове.

Главное в них было то, что они любили историю. Оба просто обожали ее. Конечно же, они любили и друг друга, но история была для них главным и абсолютным источником интеллектуальной жизни. Они были женаты друг на друге и на истории.

Так что, само собой, они не собирались давать детям нормальные имена.

Мне повезло больше. Между Александром и Александрой почти никакой разницы. Чарли же досталось по полной. Ее называли Шарлемань в честь Карла Великого. Так что с самого рождения я стала называть ее Чарли.

Я свернула на свою улицу и направилась к одноэтажному грязному дому, освещенному, словно рождественская елка. Это была мамина идея – не выключать фонари, пока я не приеду домой, словно в ином случае я забуду, какой из домов наш. Из окна гостиной доносились громкие звуки скрипки. Как всегда, Чайковский, увертюра «1812 год».

Прислонив Эрвина к гаражной двери, я сделала обзор по периметру. Улица. Подъездная дорожка. Гараж. Передний дворик. Крыльцо. Дом. Качели скрипели и покачивались, будто с них кто-то только что слез, но причиной тому мог быть ветер.

Открывая входную дверь, я осмотрела все еще раз, но дом выглядел совершенно как обычно – кособоким и нежилым. В гостиной стояла Чарли со своей скрипкой – она у нас юный виртуоз. Если мама не занимается онлайн с учениками колледжа, то учит на дому Чарли, как некогда учила меня, и потому моя сестра всегда при деле. Мама была в кухне, я обхватила себя за плечи, дабы не начать вертеть головой в разные стороны еще раз – мама ненавидела это мое занятие, – и пошла к ней. Она стояла у раковины с мочалкой в руке.

– Вот и я.

Мама обернулась:

– Я оставила тебе миску супа. Грибного. Твоего любимого.

Моим любимым супом был куриный, а грибной обожал папа. Она вечно все путала.

– Спасибо, но я не хочу есть. Пойду делать домашние задания.

– Александра, тебе необходимо перекусить.

Я ненавидела этот ее тон. *Александра, ты должна перекусить. Александра, ты должна выпить таблетки. Александра, ты должна вывернуть свою рубашку налицо.*

Я села за стол, поставив школьную сумку рядом. Учебники издали какой-то жалобный звук, и я вспомнила, что нельзя допустить, чтобы мама увидела их.

– Ну, как прошел день? – спросила она.

– Хорошо, – ответила я, помешивая в миске остывший суп, чтобы выяснить, а не подсыпали ли в него яда. На самом-то деле я не думала, что мама способна отравить меня. Такое накатывало на меня лишь изредка.

– «Хорошо» это как? – уточнила она.

Я пожала плечами:

– Хорошо – это хорошо. Обычный школьный день.

– Познакомилась с каким-нибудь интересным парнем или девушкой?

– Все кажутся интересными, если их как следует рассмотреть.

Мама уперлась руками в бедра. Видимо, мне не стоило этого произносить.

– А с клубом что?

– Да я недолго там была. Кажется, ребята в нем вполне нормальные. Симпатичные. Большинство из них. – Мама хмыкнула, как делала это обычно – согласно-агрессивно.

– Что такое? – не поняла я.

– Ничего.

Я съела ложку супа.

– Ну, если это тебя обрадует, то я почти на короткой ноге с первым и со вторым учениками в классе, – сказала я.

Что касается первого ученика, то тут я малость преувеличила. Большинство наших с ним разговоров заканчивалось тем, что кто-то из нас начинал беситься по тому или иному поводу. Но все же мы иногда разговаривали с Майлзом.

Мысли о Голубоглазом вновь нахлынули на меня, и я постаралась загнать их подальше. Если упомяну об аквариуме, у мамы начнется истерика. Она долгие годы пыталась забыть о моей детской выходке с освобождением лобстеров.

– Правда? – немного оживилась мама. – И какие они?

– Второй ученик очень мил, а первому следовало бы быть повежливее.

– Ты должна попросить у них совета насчет колледжа. Не сомневаюсь, эти ребята нацелились на Лигу плюща². Пусть помогут тебе с эссе! Они у тебя не слишком хорошо получаются.

Ну вот, мама упомянула за обеденным столом о моем светлом будущем в колледже и сразу же о маловероятности такового. Счет открыт. Вряд ли ее порадует, если я сообщу, что Такер уже сунулся в полдюжины школ Лиги плюща и был принят в две из них, а также в менее престижные заведения.

– Мне не нужна помощь для поступления в колледж. У меня хорошие отметки, а большинство людей не могут связать двух слов на бумаге, даже если от этого зависит их жизнь, но все равно поступают. И, кроме того, надо быть последним идиотом, чтобы провалить поступление в государственный колледж.

– Это ты сейчас так говоришь. – Мама помахала у меня перед носом ножом в мыльной пене. – А чем займешься, если не поступишь?

Я уронила ложку.

– Какого черта, мама? Ты хочешь, чтобы я поступила, или нет?

– Придержи язык! – рассердилась она и вернулась к мытью посуды. Я поежилась и снова склонилась над супом. Скрипичная музыка внезапно прекратилась. Из коридора послышался топот маленьких ножек, и руки Чарли обвили меня. Это было так внезапно, что я чуть не

² Ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США.

свалилась со стула. Она была маленького роста для своего возраста, но вполне могла вдарить кулаком, словно кувалдой.

– Привет, Чарли!

– Привет! – Она говорила неразборчиво – ее рот тыкался мне в рубашку.

Я оторвала от себя сестру и встала, не забыв прихватить сумку.

– Я иду в свою комнату.

– Чтобы в десять свет был выключен, – строго сказала мама.

– Да, и ко всему прочему мне нужна школьная форма.

Она хлопнула себя мокрой рукой по лбу. Струйка воды побежала по лицу.

– Совсем забыла! Директор говорил мне об этом. Сколько она стоит?

– Подумать только, семьдесят долларов. Смешнее не придумаешь – и все это за эмблему школы на нагрудном кармане.

Мама повернулась и посмотрела на меня жалобно-жалобно. Мы были не так уж бедны, чтобы потратить семьдесят долларов на необходимую мне вещь, но она не могла не укорить меня хотя бы взглядом, чтобы я почувствовала себя просто ужасно.

– Я возьму у уборщика запасной комплект, – быстро сказала я. – Проблем с этим не будет.

– Ладно, – расслабилась она. – Я уже приготовила тебе одежду на завтра, утром наденешь ее, а днем принесешь в сумке.

– Ага.

Я вышла из кухни и пошла по коридору в глубь дома, Чарли путалась у меня под ногами. И непрерывно лепетала о мелодии, которую разучивала, о мамином грибном супе и о том, как ей хочется поскорее оказаться в школе, в старших классах.

Она ворвалась в мою комнату прежде, чем я успела захлопнуть дверь перед ее носом. Мне было необходимо убедиться, что даже в комнате, где я проспала семнадцать лет, в месте, которое было знакомо мне лучше, чем любое другое место на земле, нет ничего непредсказуемого.

– Ну, на что это похоже? – Чарли плюхнулась на мою кровать и натянула на голову одеяло. Поднявшийся поток воздуха встрепенул прикрепленные к стене постеры. Артефакты на полках угрожающе громыхнули.

– Осторожно, Чарли. Разобьешь что-нибудь – будешь платить. – Открыв верхний ящик шкафа, я вынула пару чулок в полоску и нашла за ними свою заначку суперклея, запрятанную с особой тщательностью, – ведь мама могла подумать, что я его нюхаю. Я положила клей на тумбочку, чтобы не забыть взять с собой завтра утром. – Не знаю. Школа как школа. – Я сгребла в кучу одежду, оставленную мамой на краю кровати, и кинула ее на пол. Вот уже семнадцать лет она подбирает за мной одежду. А я ведь шизофреничка, а не чертова инвалидка.

– Но какая она, эта школа?

Чарли можно было понять. Ее нога никогда не ступала в настоящую школу.

– Школа похожа на школу. Я сидела в кабинетах, слушала учителей и выполняла задания, которые они давали.

– А другие ребята там были? – не унималась Чарли.

– Да, Чарли, там полно других учеников.

– Они дискриминировали тебя, потому что ты новенькая? – Дискриминировали. Вот оно. Чарли произнесла слово недели. Каждую неделю у моей сестренки появлялось новое слово, которое она употребляет при любой возможности. На этот раз это было дискриминировать. На прошлой неделе – попить. А еще неделей раньше дефенстрировать – этому слову научила ее я. Мысль о том, как наша мама реагирует на подобные слова, произносимые Чарли, заставила меня улыбнуться.

– Мама опять разрешила тебе смотреть диснеевский канал? – Я рыскала в шкафу в поисках пижамы.

– Ну... Они не поют за обедом?

– Не-а.

– О. – Одежало упало с ее головы, обнажив прямые, красные, как кетчуп, волосы и огромные голубые глаза. Чарли достала из кармана черную шахматную фигуру и засунула себе в рот. Она с четырех лет вечно что-то жевала. – Ты познакомилась с кем-нибудь клевым?

– Дай определение слову клевый.

– Чего тут определять? Клевый, и все.

– В общем-то нет. Я познакомилась и с приятными людьми, и с глупыми, и с абсолютными ничтожествами, но клевые мне не попадались.

Чарли сделала глубокий выдох, ее голубые глаза стали величиной с тарелки, а шахматная фигура выпала изо рта.

– А ты встретила родственную душу? Такое обычно происходит в первый день занятий. Правильно я говорю?

– О боже, Чарли, она снова разрешила тебе читать! И ты сразу уткнулась в раздел о паранормальном, так?

Чарли надулась и скрестила руки на груди.

– Нет. Оказывается, настоящая школа отличается от школы из телесериала.

– Жизнь в реальности вообще не такая, как в телевизоре, Чарли. – Я поспешила расстроить сестру.

Но тут она приуныла, и я пожалела, что разрушила ее иллюзии. Она никогда не пойдет в школу. Мама перестала учить меня на дому по одной-единственной причине: врач настояла на том, что мне будет лучше среди сверстников.

Я посмотрела на Чарли, и знакомый спазм вины прошелся по моему животу. Я старшая сестра. Предполагается, что должна показывать ей пример и вести себя по жизни так, чтобы люди говорили: «Эй, ты сестра Алекс, верно? Вы так похожи!», а не «Эй, ты сестра Алекс, верно? У тебя тоже крышу снесло?»

Единственное, чему я ее научила, так это проверять еду перед тем, как она съест ее. Мне стало легче на душе – она еще недостаточно взрослая, чтобы понимать, за что ей следует ненавидеть меня.

– Выйди из комнаты. Мне надо переодеться, – сказала я.

Чарли заскулила и скорчила гримасу, но все же сползла с кровати, подняла с пола шахматную фигурку, которую уронила, и поспешила к двери. Я надела пижаму и залезла под одежало.

Я посмотрела на свои фотографии и артефакты.

В расположении картинок не было ритма или объяснения, почему они тут висят. Несколько лет тому назад иногда, глядя на старую фотографию, я находила в ней что-то новое, какое-то отличие от прежней. Чего-то могло не хватать. Я залезла в сумку и достала фотоаппарат, затем просмотрела снимки, сделанные сегодня. На первом должны были быть утренние белки – но фотография уже была иной. Казалось, я снимала не их, а лужайку соседей. Белки растворились в пространстве.

Далеко не всегда все было так просто. Некоторым вещам требовалось куда больше времени, чтобы исчезнуть. У меня были также альбомы, напичканные фотографиями, но только того и тех, кто, как я твердо знала, существовали в реальности, например, родителей. Чарли был посвящен целый альбом. Я не раз заставляла ее в моей комнате за изучением его.

Артефакты достались мне от папы. Первое и главное: папа был археологом. Я понимала его. Если бы я была способна днями напролет возиться в грязи, то тоже выбрала бы эту профессию. Мама обычно сопровождала его, но потом на свет появилась я, и они долго решали, а стоит ли таскать ребенка с собой на раскопки. Когда мама перестала учить меня дома, ей рас-

хотелось, чтобы я путешествовала, а потом родилась Чарли, и у них было недостаточно денег, чтобы брать нас обеих. И потому моя мама вечно торчала дома, а отец всегда отсутствовал.

Приезжая домой, он привозил всякую всячину: большую часть нашего нынешнего имущества, мебель и даже какую-то одежду. Мама распахивала все это по подходящим углам, и тогда переставало казаться, что в доме пусто.

Я старалась не думать о том, что перевозка вещей через океан должна влетать в копеечку.

Помню, еще перед тем, как мне поставили диагноз, я лежала в кровати, и мои артефакты разговаривали со мной и друг с другом. Я слушала эти разговоры, пока не проваливалась в сон.

Теперь артефакты со мной не разговаривают. По крайней мере, когда я сижу на таблетках.

Выключив свет, я перекатилась на другую сторону кровати, потянув за собой простыню. Маленький мальчик у аквариума с лобстерами терял свои очертания – и я напомнила себе, что даже если он существовал в действительности, чего не было, то он и Майлз не обязательно один и тот же человек.

Это было десять лет тому назад. С тех пор я его ни разу не видела. Вероятность новой встречи просто смехотворна.

Я долго не могла заснуть. Лежала и ждала, когда мама пройдет мимо моей комнаты и закроет дверь в свою спальню (Чарли закрыла дверь где-то полчаса назад), затем вылезла из-под одеяла, натянула кофту, старые кроссовки и взяла из-под кровати алюминиевую бейсбольную биту. Посмотрев в окно, я прислонила ее к стене.

Я не часто разъезжаю на велосипеде в темноте, но ходить люблю. Бейсбольная бита ударила о кроссовки, ночной ветерок гладил ноги, я миновала задний двор и вышла в лес Ганнибалз-Рест. Впереди журчал ручей. Я сделала последний поворот и оказалась перед мостом Красной ведьмы.

У меня не было необходимости оглядываться и осматриваться, потому что здесь встречались миры. Всем казалось, будто они видели или слышали в этих местах что-то странное, и мне не приходилось скрывать, что и я подвержена этому. Я засмеялась, вспомнив, как Такер упомянул этот мост. Красная ведьма? Та, что потрошит путников, купается в их крови и вопит как банши? Нет, я ее не боюсь. Кошмар мог перевернуть и вывернуть наизнанку действительность, напугать до смерти кого угодно, но только не меня. Бейсбольная бита брякала по асфальту, а я приближалась к мосту Красной ведьмы.

Сегодня ночью здесь не было никого страшнее меня.

Девятая глава

Эйнштейн говорил, что безумие – это многократное повторение одних и тех же действий в ожидании разных результатов. Я продолжала фотографировать все подряд, надеясь, что однажды посмотрю на один из этих снимков и пойму, что это была галлюцинация.

Я продолжала совершать свои осмотры по периметру, мечтая оглянуться вокруг, не будучи охваченной паранойей. Целыми днями думала о том, что кто-нибудь когда-нибудь скажет мне, что я пахну лимонами.

Если я и не была безумной по чьему-то еще определению, то эйнштейновскому соответствовала на все сто.

Десятая глава

На следующий день после случая на парковке я попыталась отыскать грузовичок Майлза. Ржавый, небесно-голубой Жи-Эм-Си 1982 года, выглядевший так, будто его вытащили из кучи металлолома. Грузовичка на месте не было. Прекрасно. Далее мне следовало разобраться с замком на шкафчике Майлза. Я поспешила в школу, проверила, нет ли кого поблизости, выяснила, что камер наблюдения тоже не имеется, и стала рыться в сумке в поисках суперклея. Два тюбика плюс семнадцать палочек для мороженого – и шкафчик Майлза был надежно замурован. Выбросив улики в ближайшую урну, я достала из своего шкафчика нужные мне книги (большинство из них продолжали выпадать из обложек) и отправилась за формой.

Помещение уборщика располагалось по соседству с кабинетом химии. Я постучала, внутри раздался какой-то шум. Потом дверь со скрипом отворилась, образовалась небольшая щелка, и в ней появилось знакомое лицо в очках.

– О, Алекс, привет. – Такер приоткрыл дверь пошире. Его взгляд был устремлен в коридор позади меня.

– Ч-что ты здесь делаешь?

– Э... Мне сказали, что я могу получить у уборщика форму.

– Ах да. Их здесь несколько... подожди сек...

Он исчез за дверью, и до моих ушей донеслась приглушенная, сердитая ругань. Вернулся он с формой.

– Она может оказаться тебе слегка велика, но другой нет. Все остальные желтые.

Я взяла форму.

– Спасибо, Такер. А что ты делаешь здесь? – Я посмотрела ему за спину, но ничего не разглядела.

Он слабо улыбнулся мне:

– Все в порядке. – И закрыл дверь.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не фотографировать, – это был Такер, и он не галлюцинация, даже если ошибается в камерке уборщика – и пошла в ближайший туалет, чтобы переодеться. Такер порядком преуменьшил, сказав, что форма будет мне «слегка велика». Придется заняться плаванием, чтобы носить ее.

На пути к кабинету, где должен был состояться следующий урок, я, пересекая широкий коридор, увидела змею. Ее голова болталась между потолочными плитами, сдвинутыми по какой-то причине в сторону. Я подпрыгнула на месте. Питонов я прежде видела только в зоопарке, за стеклом – но скоро первый шок уступил место раздражению.

Это была галлюцинация. Я даже не стала доставать камеру. Свешивающаяся с потолка змея – коронный номер моего мозга. Я высунула язык и зашипела на питона.

Идя в кабинет мистера Гантри, я надеялась избежать встречи с Клиффом, или Селией, или, боже упаси, Майлзом. Окружающие все еще тарасились на меня – эти волосы, ох уж эти волосы! Почему они такие чертовски красные? Но я игнорировала любопытные взгляды.

Тео стояла на коленях в коридоре перед дверью класса и смешивала в банке с завинчивающейся крышкой какие-то приправы, специи, травы, а Майлз высился рядом с ней со скрещенными на груди руками. Когда я проходила мимо, по моему позвоночнику пробежала дрожь, но я постаралась придать лицу самое что ни на есть безразличное выражение. Он меня не заметил, а если и заметил, то не подал виду. Я мельком взглянула на отвратительную смесь, которую сварганила Тео. Маринад, горчица. Что-то вроде обрезков перца, сметана? Хрен. Все то, что ты смешиваешь в тринадцатилетнем возрасте, желая ввести младшего брата или сестру в вызванную рвотой кому (Чарли так и не простила мне подобной проделки).

Я села на свое место, не выпуская их из поля периферийного зрения, пока, как обычно, делала рекогносцировку местности. Тео взяла стеклянную банку в руки, потрясла ею и вручила Майлзу. Тот около секунды смотрел на клубящееся, закручивающееся в водоворот содержимое, затем поднес к губам и в один присест вылил его себе в горло.

Я одной рукой зажала рот, а другой натянула воротник на нос. По иронии судьбы воротник уже вонял блевотиной, и я опустила его. Майлз лениво прошествовал в класс и плюхнулся на стул перед моей партой, не отрывая взгляда от белой классной доски.

Урок начался вполне себе нормально, насколько это возможно, если учесть, что первое объявление дня было, по уже сложившейся традиции, о спортивном табло, а учитель-сержант вопил на всех и каждого. Я пыталась сосредоточиться на лекции мистера Гантри по английской литературе, но ближайшая ко мне сторона лица Майлза стала вдруг белее мела, а потом залилась бледно-зеленым цветом.

– ...ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ЧТО БЕРДЖЕСС ПРЕПОДАВАЛ ВМЕСТЕ С ЖЕНЩИНОЙ, КОТОРАЯ ПОЗЖЕ ПОДСКАЗАЛА ЕМУ ИДЕИ ДЛЯ «ЗАВОДНОГО АПЕЛЬСИНА», МАЛО КОМУ ИЗВЕСТНО, ПОСКОЛЬКУ В ТО ВРЕМЯ ОН СЛУЖИЛ В АРМИИ.

Мистер Гантри остановился у парты Клиффа, облокотился о нее и посмотрел Клиффу в лицо. Клифф, делавший в это время какие-то знаки руками сидевшей на другом конце кабинета Райе Вулф, от неожиданности вскочил и чуть ли не стукнулся об Гантри.

– СКАЖИТЕ МНЕ, МИСТЕР ЭКЕРЛИ, ВЫ ЗНАЕТЕ, ГДЕ СЛУЖИЛ БЕРДЖЕСС?

Клифф приоткрыл рот, будто хотел что-то произнести.

– НЕТ? ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, МИСТЕР ЭКЕРЛИ. НАВЕРНОЕ, МНЕ СЛЕДУЕТ СПРОСИТЬ КОГО-ТО ЕЩЕ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МНЕ НАДО ЭТО СДЕЛАТЬ, МИСТЕР ЭКЕРЛИ?

– Э... да?

– И КОГО ЖЕ МНЕ СПРОСИТЬ, ЭКЕРЛИ?

– Э... Рихтера?

– Э... РИХТЕРА? ВАШ ОТВЕТ ПРОЗВУЧАЛ КАК ВОПРОС, ЭКЕРЛИ. Я РАЗРЕШАЛ ВАМ ЗАДАВАТЬ МНЕ ВОПРОСЫ?

– Нет.

– НЕТ ЧТО?

– Нет, сэр!

– ТЕПЕРЬ Я ХОЧУ СНОВА СПРОСИТЬ ВАС, МИСТЕР ЭКЕРЛИ, КОМУ МНЕ ЗАДАТЬ ВОПРОС, НА КОТОРЫЙ НЕ СМОГЛА ОТВЕТИТЬ ВАША НЕКОМПЕТЕНТНАЯ ЗАДНИЦА?

– Спросите у Рихтера, сэр!

Мистер Гантри выпрямился и промаршировал к парте Майлза.

– РИХТЕР, НЕ БУДЕТЕ ЛИ ВЫ ТАК ДОБРЫ СКАЗАТЬ МНЕ, ГДЕ СЛУЖИЛ ЭНТОНИ БЕРДЖЕСС, КОГДА ПРЕПОДАВАЛ ВМЕСТЕ С ЭНН МАКГЛИНН И ПЕРЕНЯЛ ЕЕ ИДЕИ О КОММУНИЗМЕ, КОТОРЫЕ ПОЗЖЕ ИЗЛОЖИЛ В «ЗАВОДНОМ АПЕЛЬСИНЕ»?

Майлз ответил не сразу. Он сгорбился на своем стуле и слегка покачивался. Потом медленно поднял глаза и встретился взглядом с мистером Гантри.

Пожалуйста, блевани на него, подумала я. Пожалуйста, пожалуйста, блевани на мистера Гантри.

– Гиблартар, – просипел Майлз, а затем кое-как поднялся с места и добрался до мусорки как раз вовремя, потому что его вывернуло наизнанку. Несколько девочек взвизгнули. Такер натянул воротник на нос.

– С вами все в порядке, Рихтер? – Мистер Гантри положил книгу и, подойдя к Майлзу, похлопал его по спине. Майлза еще раз вырвало, после чего он положил руку на плечо Гантри.

– Да, все хорошо. Наверное, съел за завтраком что-то несвежее. – Майлз утер рот рукавом. – Можно мне пойти в туалет... привести себя в порядок...

– Ну разумеется. – Мистер Гантри еще раз не слабо вдарил Майлзу по спине. – Сиди там, сколько потребуется. Уверен, тебе прекрасно известно все то, о чем я тут собираюсь вам курлыкать.

Майлз криво улыбнулся и вышел из класса.

Одиннадцатая глава

После ланча меня разыскал Такер и сообщил о том, что Майлз выполняет заказы.

– Заказы? Как член мафии?

– Что-то в этом роде. – Такер прислонился к наружной стене столовой. – Ему за это платят. Обычно за всякого рода мести. Ну, сама знаешь – за то, чтобы стянуть чье-то домашнее задание и приклеить его к потолку. Или засунуть дохлую рыбу в отделение для перчаток. И так далее.

– А что он проделал сегодня утром? – спросила я.

Такер пожал плечами.

– Обычно поначалу его намерения не ясны. Однажды он спрятал сто шариков, наполненных виноградным соком, в шкафчике Лесли Стэплфорд. Когда она открыла его, то запустила механизм, по принципу иголки или зубочистки, который проткнул эти шарики по цепочке. Все, что у нее лежало в шкафчике, в результате было выброшено на помойку.

Запомнить: открывая дверь шкафчика, надо стоять сбоку от него.

– Слышала сегодняшнее объявление? – сменил тему Такер.

– О том, что МакКой нанимает кого-то покрыть табло золотом?

– Ага. Я же говорил тебе, что он больной на голову. Дома он тоже вытворяет странные штучки, – продолжил он сценическим шепотом, – косит лужайку и подрезает пионы.

– Пионы? – с удивлением переспросила я. – Да он действительно фрик.

Такер рассмеялся. Дверь столовой распахнулась, из нее вышли Селия Хендрикс, Бритни Карвер и Стейси Бернс. Я сделала шаг назад и встала так, что отчасти оказалась за спиной Такера.

– И что здесь такого забавного, Бомон? – с усмешкой спросила Селия, словно он потешался над ней.

– Не твое дело. – Лицо Такера вмиг стало серьезным. – Ты спешишь на собрание Анонимных зависимых от косметики?

– А ты в свою секту в чулане? – не осталась в долгу она. – Ой, подожди, я совсем забыла, что у тебя нет друзей. Признаю свою неправоту.

Кончики ушей Такера покраснели, но он никак не отреагировал.

– Боже мой, Бомон, ты такой чудной. Если бы ты хоть раз повел себя нормально...

– Я его друг, – вклинилась я. – И считаю, что он на редкость нормальный.

Селия окинула меня взглядом с ног до головы и уставилась на мои волосы. А потом фыркнула и пошла прочь, не произнеся больше ни слова.

– Тебе не было нужды говорить это, – промямлил Такер.

– Была, – возразила я. В старших классах нет более страшной силы, чем чье-то упрямое несогласие.

Остаток дня прошел без каких-либо происшествий. Майлз делал вид, что меня в классе нет. Я делала вид, что нет его.

Когда я направилась в спортивный зал, шкафчик Майлза все еще был намертво заклеен.

Вся западная часть школы была отведена под факультативные занятия. Спортивный зал и бассейн соединялись тянувшимся позади кабинетов коридором, а в центре находился большой холл, примыкающий к главному вестибюлю и через него – к другой части школы. Вдоль стен холла стояли большие стеклянные шкафы, заполненные наградами, которые школа получила за много лет участия в спортивных, музыкальных, художественных состязаниях и конкурсах. Кое-где висели черно-белые фотографии команд-победительниц.

Мне бросилась в глаза одна картинка, не имевшая отношения ни к наградам, ни к соревнованиям. Это была обрамленная вырезка из газеты с фотографией девочки. Кто-то наполовину закрасил ее лицо ярким красным маркером, но все равно было видно, что она хорошенькая, светловолосая и что на ней прежняя форма чирлидера Ист-Шоал. Она стояла рядом с табло, выглядевшим совершенно новым. По нижнему краю картинки шла надпись: «Табло Скарлет». Торжество в память благотворительности и доброй воли, проявленных ее отцом Рэнделлом Флетчером по отношению к нашей школе.

Рамка у фотографии была золотая, и она была помещена на своего рода пьедестальчик, словно предмет культа.

На другом конце холла я заприметила Майлза. Он стоял у киоска и разговаривал с мальчиком, которого я никогда прежде не видела. Они совершили быстрый обмен. Майлз отдал мальчику что-то тонкое и золотое, а тот ему – пригоршню денег.

– Что это было? – подлетая к Майлзу, спросила я, когда мальчик ушел. – Сильно смахивает на авторучку мистера Гантри. Не могу исключить вероятность того, что ты заправский карманный вор.

Майлз поднял бровь и воззрился на меня, будто видел перед собой очень забавного щенка.

– Так вот почему ты влил в себя ту гадость утром? Чтобы стянуть ручку учителя? И продать ее?

Майлз засунул руки в карманы.

– У тебя все?

– Сейчас подумаю. – Я постучала пальцем по подбородку. – Да, все, паршивец.

И пошла прочь.

– Алекс! Подожди!

Я обернулась. Он впервые назвал меня по имени. И впервые протянул мне руку:

– Сильный ход.

Ну, нет. Так не пойдет. Не для того я десять минут возилась с клеем над его шкафчиком, чтобы тут же признаться в этом. И я выгнула собственную бровь и важно сказала:

– Понятия не имею, о чем ты.

Уходя, я успела заметить, что кончики его губ начинают растягиваться в улыбке.

Магический шар

Разговор номер два

Это не может быть он. Это не он, верно?

Не могу сейчас ответить.

Я знаю, что спрашивала тебя об этом уже десятки раз, но... просто... да или нет?

Сосредоточься и спроси снова.

У тебя в два раза больше положительных ответов, чем отрицательных и неясных. Почему ты продолжаешь издеваться? Это не он, правда?

Я лучше не буду тебе ничего сейчас говорить.

Ты уже отвечал так. И я снова спрашиваю тебя. Он ничтожество, значит, не может быть Голубоглазым, правда?

Ответ неясен. Попробуй еще раз.

Ответ неясен. Вот дерьмо.

Двенадцатая глава

Переход из Хилл-парка в Ист-Шоал оказался для меня значительно проще, чем я ожидала. Одинаковая школьная чушь в немного разных обертках. Единственным отличием оказалось то, что все в Ист-Шоал было совершенно безумным.

Об этом я узнала в течение первого месяца.

Во-первых, счетное табло действительно было школьной легендой, и мистер МакКой очень нежно любил его. У директора был собственный стиль безумия: он постоянно напоминал всем о Дне спортивного табло, когда мы все сделаем ему подношения цветами и гирляндами из лампочек, словно это самое табло является гневливым божеством мая и убьет нас за неповиновение и недостаточное обожание. Но все же МакКоем удавалось замаскировать свое безумие хорошими оценками за контрольные и еще более хорошим поведением учеников. В глазах родителей и учителей он был превосходным директором.

Во-вторых, в школе существовала секта, занимавшаяся обсуждением теорий заговоров и установлением, правильны ли они. Ее приверженцы собирались в каморке уборщика. А главварем этой секты был Такер Бомон.

В-третьих, мистер Гантри, самый агрессивный учитель в школе, имел прозвище Генерал из-за пристрастия к разглагольствованиям о войнах и размахиванию своей драгоценной золотой авторучкой как оружием. Он дважды побывал во Вьетнаме, и в долгой истории его семьи насчитывалось немало сложивших головы на полях сражений. Мне было практически невозможно удержаться, чтобы не называть его лейтенант Дэн.

В-четвертых, двадцать лет тому назад кто-то шулки ради выпустил из террариума питона учителя биологии. Тот спрятался за плитками потолка, и с тех пор никто его больше не видел.

В-пятых, все – а когда я говорю все, то имею в виду абсолютно всех: от библиотекарей до учеников, высохшего от старости уборщика и прочих сотрудников – до потери пульса боялись Майлза Рихтера.

И это была единственная вещь из тех, что я слышала о Ист-Шоал и в которую никак не могла поверить.

Тринадцатая глава

Должно быть, я установила рекорд. Хотя я и спихнула рюкзак Майлза с парты, порвала листок с заданием и провернула прочую детскую чепуху, он направил меня работать в киоске вместе с Тео только спустя месяц.

Я была довольна, потому что: а) Тео нравилась мне больше, чем Майлз, б) я становилась в меньшей степени параноиком, когда он не ошивался поблизости, в) мне не приходилось больше сидеть в спортивном зале среди незнакомых людей. К Тео я привыкла быстро – она так ловко со всем управлялась, работала очень хорошо, а если когда-то и хотела обидеть меня, то теперь это осталось в прошлом.

Я думала, меня заваливают домашними заданиями сверх всякой меры, но у Тео рюкзак был такой огромный, что казалось, ее спина вот-вот переломится.

– Семь уроков по углубленной программе, и, кроме того, я пересдаю государственные экзамены, потому что знаю – в прошлом году меня облапошили, – сказала она. – Я держу все, что мне нужно, в этом кармане, а в другом у меня аптечка...

– Зачем тебе аптечка? – поинтересовалась я.

– У меня двое младших братишек, и кто-то из них обязательно поранится или ушибется. – Тео положила учебник физики на прилавок и открыла его.

– Представить не могу, как ты со всем справляешься. Идешь после клуба домой и корпишь над домашним заданием всю ночь?

Она пожала плечами:

– Не всегда. Еще я работаю в ночную смену в «Шоутайм». Ты не поверишь, как поздно некоторые люди заявляются в кинотеатры. – Она помолчала, а потом со вздохом добавила: – Меня родители заставляют.

– Почему?

Тео опять пожала плечами:

– Так уж сложилось. Они всегда были такими. Это родители хотят, чтобы я занималась по углубленной программе по стольким предметам.

– Вступить в клуб тебя заставили тоже они?

Тео улыбнулась:

– Нет. Никто из нас не вступал в клуб по собственному желанию. Кроме Джетты. Иван, Ян и я оказались в нем, когда два года тому назад подсыпали в школьной столовой слабительное в чили. – Она рассмеялась. – Так что поделом нам.

Я фыркнула от смеха. Тео оказалась хорошей.

– А остальные как здесь очутились?

– Арта засекли в туалете с какой-то травкой, но он наш лучший борец, и его не стали выгонять из команды, а пристроили сюда.

– Никогда бы не подумала, что Арт балуется травкой.

– А он этого не делает. Он просто пытался поговорить по душам с некоторыми своими товарищами по команде. А те подставили его.

– Кого-то все-таки выгнали из Ист-Шоал или всех отдали Майлзу на поруки?

– Я слышала, что выгоняли за что-то совсем уж непотребное – за драки или за оружие в школе.

– А Джетта?

Тео посмотрела на учебник физики и вздохнула:

– Думаю, Джетта здесь из-за босса.

– Что ты хочешь сказать?

– Она пришла сюда в прошлом году и по-английски говорила плохо. С ней разговаривал только босс.

– А Майлз? – быстро спросила я, прежде чем Тео примется за физику. – Он что здесь делает?

– Хмм. – Тео закатила глаза. – Ты про босса? Не знаю точно. Я, Иван и Ян вступили в клуб первыми, но Майлз уже был главным. Он был здесь всегда и все делал сам.

Она неожиданно замолчала. У большого окна киоска стоял Майлз. Бросив потрепанный черный блокнот на прилавок, он оперся о него.

– Как там игра? – поинтересовалась Тео.

– Вообрази тысячу умирающих от голода сирот на идущем ко дну корабле посреди кишащего акулами моря и получишь примерное представление о том, что происходит, – сухо ответил Майлз. – К тому же каждые пятнадцать секунд мне приходилось выслушивать восторги Клиффорда по поводу того, как хорош зад Райи. Они встречаются с седьмого класса, пора бы ему привыкнуть.

– Хммм.

– Скучно мне, – сказал Майлз.

– Что новенького? – спросила Тео.

– Давайте сыграем в пять вопросов, – сказал Майлз.

Тео захлопнула учебник.

– Можно я спрошу? И твою скуку как рукой снимет. А мы станем называть игру «Три вопроса», потому что пять уже не понадобятся.

– Что за игра? – спросила я.

– Она похожа на двадцать вопросов, но боссу достаточно не больше пяти. Я загадала. Начинай.

– Ты президент? – спросил Майлз.

– Да.

– Твои имя и фамилия начинаются с одной и той же буквы?

– Да.

– Ты Рональд Рейган.

– Вот видишь? – вскинула руки Тео. – Два! Два вопроса!

Я не слишком утруждала себя в клубе, поскольку Майлз считал, что я вполне справляюсь со своими обязанностями. Это позволяло мне выкраивать больше времени на написание многословных эссе для колледжа о том, как моя болезнь сформировала меня. По сравнению с ночными горами домашних заданий, Вавилонская башня казалась зубочисткой, довершали дело поздние смены у Финнегана. Сам по себе Финнеган был вовсе не плох, но стоило появиться там Майлзу, и я начинала испытывать одновременное желание спрятаться и налить жидкого мыла ему в еду.

Каждый раз, когда я приходила на работу, а Майлз уже был там, у меня возникало неясное чувство, будто он вытянул ногу, чтобы я споткнулась о нее и растянулась по полу. Разумеется, Майлз этого не делал – слишком уж мелко и не в его стиле. Ему больше шли пилки для ногтей, секаторы и огнеметы.

Я подала ему бургер, отступила за стойку и спросила у магического шара: *Попытается ли Майлз Рихтер убить меня?*

Очень может быть, последовал ответ.

В конце сентября у нас каждую неделю были лабораторные работы. Майлз чертил в тетради таблицы, а я то и дело смотрела на него. Он низко склонялся над партой, очки соскальзывали на кончик носа, левая рука огибала тетрадь. Рукава рубашки были завернуты, и я впервые заметила, что его руки от кистей до локтей тоже усыпаны веснушками. Интересно, они теплые?

Создавалось впечатление, что да. У Голубоглазого были теплые руки. Между моей ладонью и его рукой было четыре дюйма – если преодолеть их, то я узнаю наверняка.

Не делай этого, идиотка. Не смей.

Я подавила свой порыв и вместо этого спросила:

– Ты действительно можешь говорить на каком-то другом языке?

Я не замечала у него больше того странного акцента, который внезапно появился в его речи в первый день, но знала, что он и Джетта разговаривают по-немецки.

– Откуда ты это взяла? – Майлз даже не поднял головы. – Возможно. Все зависит от того, кто тебе поведал об этом.

– Сама так решила, – сказала я. – Это было не трудно. Ты говоришь по-немецки?

Майлз хлопнул ручкой по тетради для лабораторных работ.

– И откуда только ты здесь взялась?

– Они записали меня в этот класс. Не надо смотреть так, будто это моя вина.

– Почему ты здесь? В этой школе? В клубе? – Он говорил так тихо, что никто кроме меня не мог его слышать. – Что ты такого натворила?

– Нет, что это ты натворил? – парировала я. – Очень странно, что ты управляешь целым клубом в одиночку, без супервизора.

– Ничего я такого не сделал, – сказал он.

– Я серьезно.

– Серьезно, ничего. А почему ты не отвечаешь на мои вопросы, раз уж тебе так хочется разжиться информацией обо мне?

Я посмотрела на карбонат кальция.

– Я разрисовала пол спортивного зала краской из баллончика.

– Что ты разрисовала?

– Пол спортивного зала, сказала же.

– Что ты нарисовала? – В его голосе послышался очень легкий акцент.

– Слова.

И широко улыбнулась, потому что у него на лице появилось отвращение. Это было здорово. Я повернулась к газовой горелке и услышала, как он клокочет от возмущения.

Во время игры в киоске случалось временное затишье, и мы с Тео развлекались тем, что делали пирамиды из пластиковых чашек и болтали об уроках английского.

Оказалось, Тео пишет заметки в школьную газету и потому часто разговаривает с Клодом Гантри, редактором. («Знаю, всем кажется, что он постоянно страдает запором, – Тео, махнув от волнения рукой, разрушила только что выстроенную башню, – но ты не видела его бицепсы. Боже, они прекрасны».)

– У меня такое ощущение, будто в этом классе нужно постоянно следить за тем, что происходит у тебя за спиной, – сказала я. – И меня почему-то очень беспокоит Райя. – Она сидела недалеко от меня, но лишь с энтузиазмом хлопала ресницами, глядя на Клиффа, и хихикала, словно бойкий робот, накачавшийся кофе.

– Райя не такая уж плохая, – заступилась за нее Тео. – Она девушка популярная, но не слишком старается перед нами, существами низшими. Если только не хочет в очередной раз свести с ума Клиффа.

– А зачем ей сводить с ума Клиффа?

– Они встречаются с седьмого класса, но настоящая драма разгорелась лишь в девятом классе. Это было что-то грандиозное. Отвратное. Она вечно обвиняла его в изменах; он относился к ней как к трофею. Ну и раз в году Райя находила себе парня и спала с ним, чтобы вызвать ревность Клиффа. Он разыскивал того парня, избивал, а потом они мирились и все шло по новой. – Тео увенчала вершину новой пирамиды чашкой. – Нет, если кто здесь и представляет для тебя интерес, так это Селия и сиамские близнецы.

Две закадычные подружки Селии, Бритни и Стейси, как будто сиамские близнецы, сросшиеся бедрами. Мне было легче различить братьев Тео, чем этих девушек. Я поместила на вершину пирамиды еще одну чашку.

– Селия так смотрит на Майлза на уроках английского, словно хочет слопать его с потрохами.

Тео вздрогнула.

– Не говори так, когда босс где-то поблизости. Она одержима им. Уже несколько лет. И с тех пор стала какой-то странной. Она в этом никогда не признается, но ведь и так видно.

– Ну, она стерва, а он паршивец – идеальная пара, – улыбнулась я.

Тео взглянула на меня, как родители смотрят на детей, когда те не понимают, о чем говорят. И этот ее взгляд пронзил меня больше, чем я ожидала. Я встала и спряталась за пирамидой, лицо у меня горело. Что я такого сказала? Я чего-то не знала, но чего?

– Снова заскучал? – неожиданно спросила Тео. У окна стоял Майлз со своим вечным черным блокнотом в руке.

– Ненавижу волейбол, – скривился он.

Тео ехидно улыбнулась:

– Нет, ты ненавидишь Райю Вулф. И не надо переносить свою ненависть на ни в чем не повинный спорт.

Майлз одарил ее таким же малоприятным взглядом, каким удостоил меня ранее, и нетерпеливо забарабанил длинными пальцами по прилавку.

Тео сделала загадочное лицо и продолжила наше с ней строительство.

– А я загадала, – сказала она.

– Ты жила в прошлом веке?

– Да.

Майлз подпер подбородок блокнотом и выглядел (я не могла не заметить этого) хитрющим мальчишкой, знающим, что непременно выиграет. Голубоглазый мальчишка, весь в золотистых веснушках.

– Ты была одним из лидеров союзников во время Второй мировой войны?

Зубы у Тео скрипнули:

– Да.

– Ты Чан Кайши.

Тео швырнула чашку, и вся пирамида рухнула на стойку.

– Почему ты не сказал, что это Черчилль? Черт побери, ты должен был назвать или Черчилля, или Рузвельта, или Сталина!

Майлз молча смотрел на нее. Тео с громкими причитаниями помогла мне все прибрать.

Неделей позже на уроке английского произошел странный случай.

Я хотела сесть на стул, но вдруг оказалась на полу, и мне было очень больно. Перекладина, соединяющая парту и сиденье, была подпиlena, и я, навалившись на нее всем своим весом, сломала ее окончательно. Какую-то секунду казалось, мне это почудилось. Все вокруг смотрели на сидящую на полу меня. Тихо ругаясь, я встала, оттащила сломанную парту в дальний конец класса и поставила на ее место новую.

Мистер Гантри даже не оторвал глаз от своих бумаг. Майлз, всегда вежливый и рассеянный, притворился, что ничего особенного не произошло, и продолжал что-то строчить в черном блокноте.

Это означало также, что он пока не заметил, что я залезла в его рюкзак и запустила в него из пробирки огненных муравьев, чей домик обнаружила в лесу. В течение предстоящих шести уроков я точно увижу его реакцию.

Селия Хендрикс, всегда пребывающая на посту, материализовалась рядом с партой Майлза и принялась накручивать свои локоны на пальцы, словно училась флиртовать по журналу для подростков. Майлз посмотрел на нее и спросил:

– Чего надо, Хендрикс?

Селия одарила его победной улыбкой:

– Я скоро устраиваю костер. У нас будет копия спортивного табло, чтобы разрисовывать, и все такое. Ты должен прийти.

– Каждый год я говорю тебе «нет». Почему на этот раз я должен сказать «да»?

– Потому что у нас будет весело! – взвизгнула она и попыталась положить ладонь на его руку, но Майлз увернулся. Казалось, он сейчас выругается.

– Слезь с моей парты, Селия.

– Пожа-а-а-алуйста, Майлз. Ну как мне тебя уговорить? – Ее голос стал грудным, она почти легла на парту и смотрела на него через полузакрытые ресницы. Майлз захлопнул блокнот, прежде чем она успела заглянуть в него. – Все что угодно, – шептала она. – Только согласись.

Майлз выдержал довольно большую паузу. А потом через плечо показал большим пальцем на меня и произнес:

– Пригласи Алекс. Тогда и я приду.

Выражение лица Селии стало меняться так быстро, что я с трудом уловила все стадии. Только что она пыталась соблазнить Майлза, затем посмотрела так, будто меня следует посадить на кол, а закончилось это мини-представление выражением смущенного удивления.

– О! Хорошо... ты обещаешь? – Она почти касалась своим лицом лица Майлза. Он откинулся назад. А я приобрела внезапный статус идиотки, загоняющей разъяренную ядовитую змею в угол.

– Конечно. Обещаю, – язвительно подтвердил он.

– Вот и славно! – Селия достала из кармана рубашки визитку и, коснувшись плеча Майлза, протянула ее мне. Ей явно хотелось, чтобы он ткнулся лицом в ее грудь. Я дала ему возможность покорчиться дольше, чем это было необходимо, и взяла карточку. Селия соскочила с его парты.

– Жду не дождусь тебя у себя, Майлзи!

Я фыркнула.

Майлз посмотрел на меня.

– Майлзи, можно мне так тебя называть? – ехидно спросила я.

– Только попробуй не явиться, – ответил он, глядя на меня равнодушно и холодно.

Селия устраивала вечеринку с костром в середине октября в День счетного табло. Мне пришлось долго уговаривать себя пойти туда, и я решилась на это, только посоветовавшись с магическим шаром Финнегана (*Знаки указывают на положительный ответ.*) и поддавшись уговорам других членов клуба. Всех, кроме Майлза, разумеется, который счел необходимым лишь один-единственный раз напомнить мне о столь важном мероприятии. (Тыльную сторону его ладони все еще украшал ряд ярко-красных рубцов, оставленных муравьями.)

То обстоятельство, что члены клуба возжелали моего присутствия на вечеринке, представляло дело так, будто я использую приглашение не как повод для того, чтобы сделать счастливыми маму и врача, а скорее сама хочу повеселиться с... С друзьями.

Моя паранойя разыграется там во всю прыть, но мама впала в такой экстаз, что стало понятно: отступать некуда. Возможно, у нее даже что-то замкнуло в голове, потому что она стояла и непонимающе смотрела на меня целую минуту, прежде чем спросить, надо ли мне брать с собой еду и сколько. Она позвонила врачихе, чтобы сообщить ей великолепную новость, и та захотела немедленно поговорить со мной об этом. Она поинтересовалась, почему я приняла

такое решение и что я по этому поводу чувствую. Мама сказала, что отвезет меня на машине, но я отказалась;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.